

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

ДИЖАРИ ОЙКУМЕНЫ

Книга I. **ВОЛЧОНОК**

Ойкумена

Генри Олди

Волчонок

«Автор»

2013

Олди Г. Л.

Волчонок / Г. Л. Олди — «Автор», 2013 — (Ойкумена)

Марк Кай Тумидус, гражданин Великой Помпилии, с детства мечтал о карьере военного. Разрыв с отцом, слезы матери, молчаливый укор деда – ничто не могло изменить решения юноши. Карьера сложилась, но не так, как рассчитывал юный Марк. Курсант училища абордажной пехоты; удачливый дуэлянт, неудачливый узник гауптвахты. Рядовой боец, гроза «дедов» с мечами в петлицах, завсегдатай лазарета; убийца атамана Гната. Младший офицер внешней разведки, третий навигатор «Дикаря», сменивший имя на прозвище Кнут. Человек с двумя жизнями, и обе, кажется, подходят к концу... Гвардии легат Тумидус, дядя Марка, мог бы гордиться племянником. Может ли племянник гордиться дядей – изменником родины, лишенным расового статуса? «Волчонок» – первая книга нового романа-трилогии Г. Л. Олди «Дикари Ойкумены». Это долгожданное продолжение цикла, начатого романами «Ойкумена» и «Городу и миру». Читателя ждет уникальный космос, населенный энергетам, варварами, техноложцами – и антисами, исполинами Вселенной. Героями предыдущих эпопей были артист Лючано Борготта и врач Регина ван Фрассен. Герой «Дикарей Ойкумены» – солдат Марк Кай Тумидус. Можно сказать, герой-профессионал. Вам все ясно, Кнут? Так точно!

© Олди Г. Л., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава первая	10
I	10
II	12
III	14
IV	17
V	21
Глава вторая	29
I	29
II	32
III	34
IV	38
V	41
Глава третья	49
I	49
II	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Генри Лайон Олди

Дикари Ойкумены. Волчонок

© Генри Лайон Олди

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

«Всем известно гордое высокомерие, с каким помпилианцы относятся к людям иных рас. Отметим: к свободным людям. Чужую свободу они воспринимают иначе, чем мы – для Помпилии это нефть и газ, ядерный распад, энергия для промышленности. Но стоит свободному человеку стать рабом, как он больше не может рассчитывать на высокомерие помпилианца. Он вообще ни на что уже не может рассчитывать. Равнодушие – толстая, могучая корка льда, под которой колышется черная бездна, скрывающая чудовищ.

Собственно, тут – в уникальном симбиозе помпилианца и раба – кроется суть нашего взаимонепонимания. Здесь же зарыт корень всех неврозов и комплексов, лежащих в основе психики здорового (подчеркиваю: здорового!) помпилианца...»

Адольф Штильнер, доктор теоретической космобестиологии

– Удав? – не поверил мальчик.

Глаза его горели от восторга.

– Огромный, – подтвердил дед. – Тигровый. Метров семь, не меньше.

Он не стал объяснять внуку разницу между удавом и питоном. Подрастет – узнает, если захочет.

– А как его звали?

– Катька.

Мальчик подпрыгнул от удивления:

– Это была удавиха?

– Точно так, парень. Тигровая удавиха Катька. Добрейшей души тварь...

– А что она ела?

– Вальтер давал ей крыс. Еще – голубей, уток. Однажды недосмотрел, и Катька сожрала обезьянку клоуна Гомеля. Вальтер долго извинялся перед Гомелем, даже купил ему новую обезьянку, но ничего не получилось. Гомель послал Вальтера...

– В задницу!

Ладонь деда шлепнула сквернословия по губам:

– Куда подальше. А Катьку он просто возненавидел.

– Ну и дурак!

Одним прыжком мальчик перемахнул через перила веранды. Внизу, на земле, лежала бухта пеньковой веревки – дед третий день собирался укрепить загон новыми жердями, да все откладывал. Ухватив веревку за разлохмаченный конец, мальчик обмотался пенькой с ног до головы. «Катька! – вопил он, вертась мелким бесом. – Эй, Катька!» Мальчик еще не решил, кто он: укротитель Вальтер или генерал Ойкумена, спаситель Галактики, схватившийся с могучим удавом-модификантом в джунглях Канцуны. Пряча улыбку в густых усах, дед следил за внуком. По мнению старика, больше всего парень напоминал сейчас ту самую злополучную обезьянку, подвернувшуюся Катьке в скверную минуту.

Но скажи об этом герою – обид не оберешься.

– Дальше! – потребовал мальчик.

Кряхтя, дед достал из кармана куртки флягу. Отвернул пробку; кругом запахло крепчайшей ракией. Глоток, другой – зная цену паузе, дед не торопился с продолжением рассказа. Лицо его сморщилось от удовольствия. Подвижное, забавное лицо, словно маска, сделанная из пористой резины – брови домиком, нос картошкой, губы оладьями. Казалось, старик удивляется всему на свете.

– Вальтер работал с хищниками. Леопарды, ягуары. Трое лигров...

– Тигров, дедушка.

– Лигров. Ты когда-нибудь видел полосатого льва? И грива у них короткая, будто стриженная. Лигры, парень: самец и две самки. Еще махайрод-альбинос с Целии-II. Спал, красавец, сутки напролет. Клыки, что кинжалы; зевнет, и публика ревет от счастья. На манеж Вальтер выходил с ягуаром на плечах. Между прочим, тот еще рюкзачок. Сто десять килограммов живого веса. Вальтер был голым по пояс, в шароварах из красного шелка. Женщины при виде его мышц...

«Писали кипятком,» – беззвучно шевельнулись губы деда.

– ...устраивали овацию, – закончил он. – Кланаясь, Вальтер незаметно подбрасывал ягуара, и зверюга кувырком слетала на заранее установленную тумбу. Случалось, если Вальтера забирал кураж, он брал на плечи не ягуара, а Катьку...

– И Катька дралась с махайродом!

– Вынужден тебя разочаровать...

В небе, время от времени прячась за облаком, плыла надменная Лукреция – спутник Октуберана. Пылевые облака вокруг млечно-желтой красотищи сверкали вуалью, густо усыпанной алмазами. Из-за холма тянуло зябкой свежестью реки. Оттуда доносились странные звуки: скучающий великан, сложив ладонь лодочкой, лениво хлопал по воде. Это плескались бегемоты, устраиваясь на ночлег.

– Ни с кем Катька не дралась. Но Вальтер сутулился, когда выходил с удавом. Лицо его делалось красным. Пройдя на центр манежа, он начинал вертеться волчком. Небыстро; так, для вида. Живой шарф сползал с Вальтера в опилки, Катька поднимала голову и внимательно осматривала партер. На самом деле она ничего толком не видела. У змей вообще слабое зрение. Но когда здоровенный удав, поднявшись на хвосте, вглядывается в тебя... Слабонервные дамочки из первых рядов падали в обморок. Потом Катька обвивалась вокруг тумбы с махайродом и дремала до конца номера. Смотай веревку в бухту, парень...

– Дедушка!

– Смотай, или я не стану рассказывать дальше.

Ворча, мальчик подчинился. Они были похожи: старик и ребенок. Худощавые, жилистые; в движениях мальчишки сквозила порывистость, которая с годами станет обдуманной, возможно, жестокой резкостью. В расслабленности деда таилась резкость, которая с возрастом научилась беречь силы, не расходуя их попусту. Еще глоток ракии – если бы не сумерки, стало бы видно, что кончик дедова носа слегка покраснел.

– Молодец, – сказал дед, когда задание было выполнено. – Итак, что ты понял?

Мальчик задумался.

– Сколько весила Катька? – спросил он после долгого молчания.

– Молодец, – повторил дед. – Девяносто два килограмма.

– А ягуар – сто десять?

– Точно так, парень.

– Тогда почему Вальтер сутулился? Если ягуар...

– Ты уже знаешь ответ. Остался последний шаг.

– Меня учили в школе: чем больше вес, тем тяжелее...

Дед ждал.

– Важно, кого несешь? Да, дедушка?

– Да, – кивнул старик. – Змея тяжелее кошки, даже если она легче. Не понял? Ничего, со временем поймешь...

– Покойник тяжелей живого, – добавили с дальнего края веранды.

Груда одеял зашевелилась. Человек, подавший реплику, хрипло захохотал. Сидя, он мог сойти за богатыря. Плечи борца-тяжеловеса, грудь, похожая на бочку, лапы гориллы. Пальцы

уцепились за резной столбик перил, человек рывком встал – и превратился в карлика, ростом едва ли выше мальчика. Торс гиганта несли коротенькие, выгнутые колесом ноги. Еще один рывок, и карлик уже сидел на перилах, поджав ноги под себя. Как он не падает, оставалось загадкой.

– Выпивка? – бросил карлик деду.

– Годится, – одобрил дед. – Три месяца выдержки?

– Обижаешь! Полгода...

– Больше в бочке не держи. Испортишь...

Ракией дед был обязан Паку. Карлик гнал ее из всего, что росло в округе. Инжир и слива, вишня-дичка, виноград – мелкий, терпкий, пахнувший земляникой; кизил, горная груша – все превращалось в благословенный нектар. Гости, наезжая к деду, хвалили Пака что есть сил. Карлик кивал и ухмылялся.

Сам он спиртного в рот не брал.

– Слушай Пака, – дед указал внуку на карлика. – Пак знает, что говорит. Все, урок окончен, продолжим рассказ. В принципе, Вальтер мог вполне обойтись без Катьки, и клоун Гомель знал это. Однажды, проходя мимо змеи, Гомель споткнулся. Потом он говорил, что споткнулся случайно. Может, и правда. Люди, случается, не глядят себе под ноги. С другой стороны, клоуну споткнуться – плевое дело. Я-то знаю...

– Ты знаешь! – крикнул мальчик. – Ты же сам был клоуном, дедушка!

– Точно так, парень. Короче, Гомель споткнулся, а в руках у него был горячий чайник. Полтора литра кипятка выплеснулись на голову Катьки. Гомель заверещал и удрал, а Катька даже не стала дергаться. Она заползла в угол, свернулась кольцами и замерла. Я побоялся подходить к ней близко. Я просто сообщил о случившемся Вальтеру. Он бросил репетицию на середине, оставил кошек на ассистента – и кинулся к своей удавике. Не поверишь, он плакал, когда бежал.

– Она умерла? – тихо спросил мальчик.

– Нет, – вместо деда ответил Пак. – Она ослепла.

– Ее вылечили?

– Нет. Ветеринары не лечат слепоту у змей.

Мальчик подошел к перилам. Карлик опустил ладонь на плечо ребенка и крепко сжал. Огромная, косматая голова Пака склонилась ниже, жесткие волосы упали на лицо.

– Ее глаза, – сказал Пак, вспоминая. – Они стали похожи на сваренные вкрутую яйца. Позже, когда Вальтер выходил с Катькой на манеж, и она двигала головой, притворяясь, что смотрит на ряды зрителей – в обморок падали не только слабонервные дамочки. Случалось, не выдерживали и крепкие мужчины.

Речь карлика была правильной и ясной, выдавая не только хорошо подвешенный язык, но и умение строить фразу, свойственное образованному человеку. При чужих людях, особенно тех, кому Пак не доверял, он говорил иначе. Многие даже считали карлика умственно отсталым.

– На Рурре легат штурмовиков выскочил из зала прочь, будто за ним гнались все дьяволы пекла. Ты не представляешь, Марк, какие потом были аплодисменты...

– Я бы убил Гомеля, – мальчик по имени Марк ударил кулаком в ладонь. – Убил! Или взял бы в рабство! И пусть меня судят...

Дед пожал плечами:

– Человек есть человек, а удав есть удав. Ты хочешь отомстить Гомелю за змею, а Гомель хотел отомстить змее за свою обезьянку. Чем вы отличаетесь?

– Всем!

Внук с вызовом уставился на деда. Белобрысый – на седого.

– Брось, парень. Проехали. Мне рассказывать дальше?

– Да!

– Поначалу все шло, как раньше. Вальтер делал вид, что не замечает Гомеля. Клоун тщательно скрывал, что доволен. Но однажды Гомель проснулся от того, что был в постели не один. Уж не знаю, как Катька удрала из террариума...

– Она задушила его! Правда, дедушка?

– Неправда. Она обвинилась вокруг клоуна, но давить не стала. Просто лежала с ним в одной постели и смотрела на Гомеля белыми, слепыми глазами. Лежала и смотрела, даже не шипела. Гомель чуть не помер от страха. Он хотел крикнуть, но потерял голос. К утру Катька уползла, а Гомеля я отпаивал джином. Я зашел к нему в комнату, уж не помню зачем, и увидел, в каком он состоянии...

В конюшне заржал Тайфун – злой, могучий жеребец, не признававший никого, кроме деда. Кобыла Лира ответила Тайфуну громким фырканием. Сунув два пальца в рот, дед пронзительно свистнул. Кобыла еще раз фыркнула – и в конюшне воцарилась тишина.

За рекой рокотнул гром – близился сезон дождей.

– Гомель остался жив. Он всего лишь перестал быть смешным.

– Как это?

– Клоун должен быть смешным. Это закон профессии. Сейчас ты не согласишься мне, парень, но быть смешным – это талант, а не беда. Редкий, уникальный талант. Гомель выходил на манеж, корчил те же гримасы, произносил те же репризы, что и раньше... В зале не смеялись. Перешептывались, сучали. Ждали, когда он уйдет. Гомель из кожи вон лез, а смеха не было. Он придумывал новые выходки, завел лохматого фокстерьера, менял грим и костюмы – впустую. Над ним не смеялись. Катька украла у Гомеля его талант. Страх выжег клоуну сердцевину. Так молния выжигает дерево изнутри. Спустя полгода Гомель оставил трупку. Я не знаю, что случилось с ним после.

– А Катька?

– Катька осталась с Вальтером. Он называл Катьку своим талисманом. Через семь лет она умерла от старости. Тигровые питоны в неволе не живут больше четверти века. Слепла Катька в шестнадцать, так что ей выпала долгая и счастливая жизнь.

– Счастливая?!

– В целом, да. Ты не согласен со мной?

Мальчик напряженно думал. Морщил лоб, чесал затылок.

– Дедушка, – спросил он, – а ты был смешным клоуном?

– Да, – вместо деда ответил Пак. – Очень.

Часть первая

Тренг

Глава первая

Оп-ди-ду-да, или Мы завалим настоящего монстра!

I

– Подъем, сволота! Вас ждут великие дела!

В голове взорвалась атомная бомба. С оглушительным звоном разлетелись стекла – Игги готов был поклясться, что осколки градом сыплются у него из ушей. Порыв ветра хлестнул по щекам, окропив лицо соленым крошевом брызг. В ноздри ворвался йодистый запах моря. Запах фальшивил – чуткий нос Игги уловил в нем синтетические нотки вэйк-тоника. Фальшь взбесила Игги, человека тонкой душевной организации. Бранясь так, что смутились бы и грузчики в варварском порту, он разлепил веки. Аларм-система отреагировала без промедления: ядерный взрыв сменился шлягером «Оп-ди-ду-да», популярным в этом сезоне, а ураганный ветер – свежим бризом. Лишь псевдо-морской аромат с примесью тоника никуда не делся.

Кажется, решил Игги, мы с Глюком вчера перестарались. Выставить аларм во всем комп-эйн-коттедже сверху донизу – это приколы! На полседьмого утра – это суровый приколы! В режим экстрим-побудки – это приколы приколов! После двойной дозы имаджайзера и грибного супчика, что забодяжил Лат, в голову лезут исключительно клевые идеи. Выдернуть «сволоту» из тепленьких лежбищ ни свет ни заря – супер, оп-ди-ду-да! Но Игги, брат, на хрена ты устроил побудку самому себе?

Или это Глюк удружил?!

Сна не осталось ни в одном глазу. Жаль, они с Глюком не догадались натывать камер по апартаментам. Взглянуть бы сейчас на рожи приятелей – сразу б настроение поднялось! Хотя... Игги Добс с удивлением отметил, что настроение у него и так – ди-ду-да, оп-оп! Боевой бодрячок. И отходняка нет – ура натуральным препаратам! Прав Лат: синтетика – дерьмо. Мозги выжигает, и кумар от нее чернушный...

– Раздолбай, подъем! Брейтесь-мойтесь-похмеляйтесь!

Система бдительно отслеживала реакции «клиента», не позволяя впасть в прострацию. Текст для побудки Глюк сочинил, больше некому. Крепко вчера задвинулись, с душой. Странно, что башка не трещит. Ну да, оп-ди-ду-да, об этом Игги уже думал: натуральные препараты. Это постал, это нас циклит. Ладушки, сам отследил, значит, все в норме, все под контролем... Лат велел: наутро быть в форме. Расслабляемся, но без фанатизма. У нас завтра сафари...

Сафари!

И не завтра, а сегодня!

Сбросив одеяло, Игги с решительностью бывалого охотника принял сидячее положение. Покрутил головой, разминая затекшую шею; сфокусировал взгляд. Оп-ди-ду-да! – рядом безмятежно посапывала куколка Мира, радость наша. Если бы за талант сладко дрыхнуть в любом аду платили деньги, Мира ворочала бы триллионами.

– Эй, лисичка! – сунув руку под одеяло, Игги дернул подругу за пушистый хвост. – Бегом в ванную!

По телу девушки прошла волна сладкой дрожи. Демонстрируя раздражение, шевельнулись острые ушки. Мира перевернулась на живот, обеими руками обхватила подушку. Вдоль позвоночника вздыбилась полоска нежной золотистой шерсти.

– Отстань, дурак, – сонно мурлыкнула Мира.

– Вставай!

Одеяло улетело в угол. Игги замер, любуясь обнаженной Мирой. Казалось бы, тысячу раз ее видел – в бассейне, в постели, на пляже. Скоро два месяца, как они вместе. Сумасшедший срок для Игги, менявшего пусечек трижды в сутки; для Миры – еще круче.

Может, это любовь?

Игги фыркнул. Любовь! Скорее, профессиональная заноза в заднице. Желание любоваться чужим совершенным творением. Тот мастер, что проводил Мира эро-вульпинарную модификацию, определенно был гением! Элит-визажист Игги Добс знает толк в таких вещах. Он и сам гений, оп-ди-ди! И пусть Игги никогда не работал с модификациями тела – лицо, прическа, общий имидж... Плевать! Нам ли, гениям, считаться заслугами?

Один взгляд на тело Миры мог довести девственника до инсульта. Бархат кожи; шелковистая поросль на спине. Шерсть густела к ягодицам, превращаясь в роскошный мех. Из копчика рос пышный хвост. О, Мира, солнце мое, что ты вытворяла хвостом, когда была в настроении! Пламя волос; разумеется, рыжих. Мордашка человеческая, симпатичная, без лишних кукольных красот. Но разрез глаз, хитрый прищур, высокие скулы, чуть вздернутый носик, солнечная россыпь веснушек...

Лиса! Дикая лисица, оп-ди-ду-да!

Игги, сколько себя помнил, западал на модификантов. Встречался с одной киноидной сучкой, потом была фелина... Увы, первая была «заточена» под пастушьи дела, вторая – под телохранителя. Не те повадки, какие Игги Добс предпочел бы для интима. Зато Мира, лукавая хитрюга Мира...

– У нас сафари, детка! Где твои охотничьи инстинкты?!

Мира шевельнула ухом:

– Охотничьи?

С ленивой грацией она взмахнула хвостом: давай, я жду!

– Извини, не сейчас!

Игги торопливо выбрался из постели, едва не упав при этом. Углядел трусы на ручке шкафа, поспешил натянуть их на себя. Он прекрасно знал, что будет, если Мира добьется своего. До обеда они из номера не выберутся, и после обеда – не факт. Сафари накроется медным тазом. А ради чего, оп-оп-оп, Игги Добс приперся на этот долбаный Тренг?

– Вставай!

– Сафари! – вдруг плотоядно оскалилась Мира, сделавшись как никогда похожа на хищницу, и прыгнула на Игги. Добс чудом увернулся, схватил подушку и запустил ею в шутницу. Девушка с хохотом повалилась обратно на кровать, выгнулась, словно в экстазе. Нет, Игги не поддался на провокацию. Он искал штаны и нашел. Искал рубашку и тоже нашел. Мира надула губки, но быстро передумала, смирилась и, вздохнув с воистину лисьим притворством, отправилась в ванную комнату.

– Сафари, – напевала она из-за двери, – сафари!

– Оп-ди-ду-да, – вторил Игги.

– Мы едем на сафари...

– Ду-да, да-да-да...

Одевшись, он уставился на свое отражение в «зеркальной» голосфере визаж-модуля. Первое правило Игги Добса: имидж должен соответствовать ситуации. Только придуток, не имеющий понятия о стиле, попрется на бласт-концерт, в ресторан и на стадион в едином концепте. Костюм сменит, а толку?

В обычное время растительность на лице Игги, включая брови и ресницы, отсутствовала – не вписывалась в базовые концепты. Но за день до полета на Тренг опытный Добс сменил крем-депилятор на интенсив-лосьон «Коко Труди». Сизая щетина – воплощенная мужественность, можно сказать, воинственность. Волосы взлохмачены в художественном беспорядке номер семь. Лицо после вчерашнего чуть помято – замечательно! Косметики – ноль, не тот случай... Ну, разве что носогубные складки чуть глубже обозначим. И последний штрих – по капле флюоракса в каждый глаз. Теперь мрачный лихорадочный блеск обеспечен.

Ну-ка, проверим...

Из голосферы на Добса глядел суровый оп-ди-ду-да. Он был старше Игги лет на десять, потрепан жизнью, хмур с похмелья и готов свернуть шею голыми руками любому, кто придется ему не по нраву. Ей-ей, любому, от нерасторопного официанта до десятиметрового мегалозавра! В глазах бывшего парня – рейнджера, вернувшегося из джунглей – сверкали опасные искры безумия.

– Котик, – Мира вернулась из ванной. – Где мои...

И вдруг завизжала.

II

– Ты кто? Проводник?

– Ну?

– Это ты тарарам устроил, придурок?!

Игги развернулся всем телом, так, чтобы говоривший хорошо рассмотрел тяжелую кобуру на поясе – и торчащую из нее рубчатую рукоятку «Ангстрема».

– Кажется, ты назвал кого-то придурком, сынок? Повтори-ка, я не расслышал.

И двинул челюстью, перебрасывая «черуту» из левого угла рта в правый.

– П-простите, сэр, это я не вам... Игги?! Ты?!

– А это ты кому сейчас говоришь, сынок?

Глюк судорожно икнул, попятился, щурясь: неужели все-таки обознался? Игги не выдержал, расхохотался в голос. Следом прыснула Мира, в восторге колотя хвостом по «таблетке» антиграв-табурета.

– Купился!

– Ну ты крут, Игги! Не признал!

Хмыкнув, Игги выпустил в Глюка клуб дыма. Потертый камуфляж – специально не стал новье брать – сидел на Добсе, как родной. Пояс-патронташ, подсумки, кобура с «Ангстремом» – имидж оп-ди-ди! Глюк в своей проклепанной куртке с черепами и гидрофобных штанах-«питонах» смотрелся на фоне приятеля жалким туристом. А люминесцентные патлы, торчавшие острыми «сосульками», и вовсе превращали Глюка в дешевого шута.

Сказать по правде, Эрни М. Глюк был очень дорогим шутком. Король дюжины вирт-шоу, транслирующихся через гипер по всей Ойкумене, Глюк селезенкой чуял тренд и фокус-группу, доводя зрителей до оргазма. Купить такого на новое лицо – что в лотерею миллиард выиграть.

– ...А тарарам, Глючара, ты устроил. При моем участии...

– Я?!

– Память отшибло? Кто вчера алармы ставил?

– О да, белые хозяева любят пошутить!

В баре объявился Латомба, за ним, матерясь на пяти языках – Диззи с новой подружкой, имени которой Игги не мог запомнить, как ни старался. Последним топал человек-гора, толстяк Хью, рекордсмен поедания блинов на скорость. Он волочил за ремень антикварный лучевик с длиннющим стволом.

– Хай, сволота! – рык Игги перекрыл общий гам. – А ну, встряхнулись!

– В такую рань... – простонал Хью, маявшийся отходняком.

Игги проигнорировал блиноеда:

– Лат, сваргань-ка нам допинг! Прочистим мозги...

– Нет проблем, большой бвана! Латомба все сделает.

– И побыстрее!

– Три минуты! Бвана будет доволен: мозги аж закипят...

Чернокожий вудун Лат, как обычно, валял дурака. Стриптизер экстра-класса, он выступал на приват-вечеринках для миллионерш, потерявших вкус к жизни, и пресытившихся «звезд» эстрады. После его танца миллионерши, подвывая от вожделения, пускались во все тяжкие, а «звезды» давали благотворительные концерты в десантных частях. Были тому причиной вудунские хитромудрые штучки или личный гений Лата, Игги не знал. В любом случае, гонорары Латомбы не уступали его собственным.

Гибкие, словно каучуковые пальцы нырнули в сферу кавтомата, сыграв пассаж. Из недр аппарата выехал поднос с семью чашками кофе – такого крепкого, что он был готов сплясать качучу. Латомба распылил над чашками щепотку остро пахнущего зелья, добавил гранулы, похожие на речной жемчуг, и перемешал кофе палочкой из слоновой кости.

– Угощайтесь, бвана! Угощайтесь, бвани!

Кофе отдавал горечью осенних листьев.

Действие допинга Игги ощутил сразу. Мир распахнулся, наполнившись светом и звуками, оттенками и ароматами. Жизнь обрела резкость и глубину. В теле, игристым вином в бутылке, бурлила энергия – колючая, бесшабашная. Она требовала выхода. Вот-вот сорвет пробку – крышу? – фонтаном выплеснется наружу и пойдет куролесить!

– Круто! – оценил Диззи, приплясывая.

– Лата в президенты!

– Спасибо, мудрый вождь! Латомба рад, что вождю понравилось!

– Ну что, всех вставило?!

Ответом был восторженный рев.

– Оружие? Батарей?

– Порядок!

– А проводник? – заикнулся было Хью.

– Дрыхнет, небось!

– На хрена нам проводник?

– Координаты в автопилот вобьем – моб сам долетит!

– А на месте?

– А что на месте? Сканер зверя засечет, а там знай, пали!

– Сегодня мы завалим настоящего монстра!

– Махайрода!

– Тираннозавра!

– Оп-ди-ду-да!

– Мы всех завалим!

– Вперед!

В дверях возникла давка. Диззи бранился, его подружка визжала, хохотала Мира, Лат рассыпался в извинениях перед «храбрыми, но горячими бвана»... Гогочущий, вопящий клубок вывалился на свежий воздух и, распадаясь по дороге на отдельные тела, устремился к крытой платформе аэромоба.

Глюк успел первым. Он уже вводил в автопилот координаты, сверяясь со своим коммуникатором.

III

Внизу, под аэромобом, бежали барашки волн. Зелень океана – и белые росчерки пены. Я прикоснулся к Вечности, решил Игги. Твою мать, я философ! Так было миллион лет назад, и так будет через миллион лет. Плевать, какие расы к тому времени будут населять Ойкумену, чего они достигнут, откроют и сотворят. Океан останется прежним: движуха на поверхности – и мрачнюк глубин, где обитают жуткие твари.

Жутких тварей на Тренге хватало. Планету открыли полвека назад, и ее биосфера свернула набекрень мозги яйцеголовым умникам. Такого разнообразия видов не было ни в одном из известных миров Ойкумены. Рай для биологов; рай для любителей сафари и экстрим-рыбалки.

В уши ворвался грохот бласт-синта – Диззи врубил музон на полную катушку. «Последний альбом Мортал Макса,» – определил Игги. Еще бы не определить! Кто делал Максу специальный концепт? – он, Игги Добс. Трехслойный грим, меняющий лицо в поляризованном свете: злой пупс, киборг-убийца или мертвец разной степени разложения, в зависимости от освещения. Набор быстрорастущих париков, трико-«хамелеон», шляпа-трансформер... Это в занюханной древности визажист отвечал лишь за лицо клиента. Теперешний визажист – мастер на все руки. Лицо клиента – личность, единый стиль, а где личность, хо-хо, там и наличность...

– Смотри, смотри! Там, под нами!

– Где?

– Да вот же! – Мира с трудом перекрикивала бласт-синт.

– Ни черта себе!

В глубине, под суматохой волн, скользила гигантская тень.

– Метров семьдесят, клянусь!

– Не медуз жрет, нет, не медуз...

– Кажется, смелый бвана предлагал подводную охоту?

– На фиг, на фиг, без меня!

– Да выруби ты свою камнедробилку!

Диззи внял: убавил громкость.

– А на суше таких нету?

– Справочник пишет: нет. Тираннозавры, максимум...

– Такому тираннозавр – на один зуб!

– Эй, земля! Впереди земля!

Разлапистая туша острова росла на глазах. Прибой вскипал на скальных клыках бухты. Мнилось: исполин жадно пьет соленую воду, не в силах утолить жажду. Береговые утесы вздымались спинным гребнем дракона. Аэромоб набрал высоту, замедляя ход. За скалами начиналась буро-зеленая грива джунглей – она уходила к горизонту, желтея редкими проплешинами.

– Ничего себе, островок!

– На меньших стрелять некого, – Игги вернулся в образ бывшего охотника. – Мелюзга одна.

– Как мы найдем добычу в этой чашобе?

– Сканером...

– Глюк, переходи на ручник и врубай тепловизор...

Аэромоб тряхнуло. Подруга Диззи взвизгнула – обычная ее реакция на все раздражители мира. К счастью, Глюк быстро выровнял машину. Игги выбрался из кресла и, хватаясь за спинки, направился к пилотской кабине. Приятель нуждался в чутком руководстве. Еще напортачит чего... Прозрачность корпуса Глюк выставил на 100 % – идти по невидимому полу над зарослями, проносящимися внизу, было страшновато. Ускорив шаг, Игги плюхнулся в

свободное кресло дубль-пилота. Сунулся в контрольную сферу сканера: так и знал! С настройками Эрни налажался. В глазах рябило от пунцовых точек и пятнышек: тепловизор старательно показывал всю живность, какая имелаась в округе.

От полевой мыши до бронтозавра.

– Все, блин, самому делать надо, – вздохнул Игги. – Ты давай рули, а я сканерить буду. Сейчас фильтры выставлю...

Он шумно потянул носом, принюхиваясь. Обоняние редко подводило Игги, а Глюк отличался редкой щедростью.

– Будешь?

– Давай.

Приняв раскуренный косяк, Игги сделал пару добрячих тяг. Ну-ка, что у нас с фильмами? Выставляем по размеру: все, что меньше двух метров – отсекаем! Пунцовых пятен в сфере стало на порядок меньше. Теперь был виден один крупняк. Эй, вот это зверюга! Игги дал приближение. Диплодок? Нет, не прикольно. Травоядный увалень, в такого и слепой не промахнется. Даешь хищников! Злых, опасных, увертливых. Чтоб уж трофей – так трофей!

– Долго еще? – заворчал Диззи из салона. – Где наши монстры?!

– Бвана хочет крови? Не терпится?

– Когда стрелять будем?!

– Глюк, бери левее. Там кто-то метется, как припаленный!

Аэромоб заложил крутой вираж. С третьей попытки Игги поймал шустрюю зверюгу в «захватник» сканера. Открыл суб-сферу в оптическом диапазоне, запустил компиляционное наложение. Программа знакомая, в визаж-модуле такая же...

– Есть! Махайрод!

– Где?!

Игги сбросил изображение на большую сферу в салоне.

– Глюк, жми!

– Догоняй!

– Дайте, дайте я его!

Зверюга была – зашибись. Вытянутое от бега тело бугрилось чудовищными мышцами. Они перекачивались под желто-бурой шкурой при каждом стремительном движении. Четыре с лишним метра в длину, не считая короткого хвоста. Полтонны живого веса, если верить сканеру. При одном виде влажных от слюны клыков, выпиравших из-под верхней губы, по хребту Игги метнулись толпы мурашек. За кем гонится махайрод? Игги расширил обзор, вызвав крики возмущения в салоне, но никакой потенциальной добычи не обнаружил. Великий Космос! Если не *за кем*, то *от кого* эта тварь так мчится?! Игги прошиб холодный пот: ему страшно было даже представить, от кого может удирать махайрод! Однако погони тоже видно не было. Спустя пару секунд Игги от души расхохотался, хлопнув себя ладонью по лбу.

Зверь удирал от аэромоба.

Палить на лету по бегущему махайроду, целясь сквозь полог ветвей и лиан – гиблое дело. Высаживаться на пути хищника, чтобы встретиться с ним на земле – поищите дураков! Игги был знатным торчком, но не идиотом. На счастье, впереди, примерно в полукилометре, природа воздвигла естественную стрелковую трибуну – бурая россыпь валунов вокруг отвесных скал смахивала на друзгу гигантских кристаллов, которую выперло из-под земли давним катаклизмом.

– Обгоняй его и метись к тем скалам. Там развернись и зависни.

Двигун надсадно взвыл, аэромоб дернулся, как норовистый конь. Игги с опозданием сообразил, что хищник после их маневра может рвануть в другую сторону, а то и повернуть обратно. Нет, обошлось. Махайрод ломился в прежнем направлении, не сбавляя хода.

– Вруби автостабилизацию, чтоб нас не болтало. Открывай все, что можно. Нам нужен оп-ди-ду-да...

– Кто?

– Сектор обстрела!

– Тут борта убираются, и крыша...

– Убирай по поясу, чтоб не выпал никто. Хватай оружие, сволота!

Зверь был уже рядом. В кобуре на бедре Игги висел «Ангстрем» с полным боекомплектом, но это для понта. На охоте надо палить из чего-нибудь длинномерного. Ага, вот и «Стрела»; между сиденьями завалилась. Игги едва успел снять ружье с предохранителя, как кусты на опушке с треском раздались, будто волны растительного моря – и оттуда сухопутным глассером вылетел махайрод.

– Огонь! – завопил Игги, бледнея от азарта.

Поймав зверя в прицел, он надавил на спуск. Антикварный лучевик Хью полыхнул миниатюрной сверхновой. Взвизгнул импульсник в руках Миры. Треск разрядов, и валун под лапами махайрода оплавился, частично разлетевшись фонтанами каменной крошки. В кустах, как по волшебству, возникли изрядные прорехи. Зверь в панике прыгнул в сторону и подставил под выстрелы бок. Торопясь, почти не целясь, Игги всадил в клыкастую тварь с полдюжины зарядов. Срезанный в прыжке махайрод задергался в агонии. Кривые когти скребли край валуна, оставляя на камне глубокие борозды. А охотники все продолжали палить, не в силах остановиться.

– Хватит! Готов уже! – орал Игги.

Тщетно.

– Вы от него мокрого места не оставите, придурки!

Он охрип от крика, когда компания наконец угомонилась.

– Видели? Как я его завалил!

– Ты гонишь! Это я его!

– Нет, я!

– Я тоже попала!

– Ага, когда он уже сдох!

– А вот и нет!

– Пошли, посмотрим!

– Говорю, это я!

Аэромоб посадили метрах в ста от убитого хищника. Ближе не позволяли скалы и осыпи. Прежде, чем покинуть машину, Игги бросил взгляд на голосферу сканера. Ничего крупного поблизости не наблюдалось. Но когда Игги ступил на шуршащую под ногами осыпь, сердце колотилось, как после двойной порции Латова кофейка. Ладони, сжимавшие «Стрелу», вспотели. Терзала идея-фикс: зверюга не сдохла, она лишь притворяется. Стоит подойти к ней на расстояние прыжка... Говорят, махайроды крайне живучи.

Кто это говорил, Игги не помнил.

– Он мертв, – шепнули в самое ухо.

Добс дернулся, оборачиваясь. Рядом стоял Латомба. Против обыкновения, вудун не паясничал, за что Игги был ему благодарен.

– Уверен? – так же шепотом спросил Игги.

Латомба кивнул.

– Ну, спасибо, утешил...

И впрямь попустило. Если Лат говорит, значит, так оно и есть. Вудуны зверей чуют. Тут стриптизеру можно доверять на все сто.

– ...я ж говорил! Моя работа!

Ногой, обутой в остроносый сапог, Диззи попирал косматую башку махайрода. От нажима страшные клыки хищника кончиками воткнулись в рыхлую землю. Зверь был огромен, но мертвый смотрелся жалко. Шерсть местами свалилась в грязные колтуны. Ярость угасла в желтых глазах, из пасти медленно стекала тягучая, вязкая слюна, мешаясь с кровью.

И запах...

Мира не выдержала, отвернулась. Вслед за ней – подруга Диззи.

– Все видели? Моя отметина!

Диззи ткнул стволом в дырку на шее махайрода, обрамленную глянцевым венчиком запекшейся крови.

– Я сюда и целился! Наповал!

Спорить Игги не хотелось, хотя он видел минимум пять отверстий в боку зверя, проделанных его «Стрелой». И еще одно, в груди – от импульсника Миры.

– Шкуру испортили... – буркнул Хью.

– На хрен шкуру! – взвился Диззи. – Главное, башка цела! Велю выделывать чучело – и на стенку повешу. Цыпа, ты где? Иди сюда, Игги нас снимет! На память!

Игги кивнул на махайрода:

– Башку ему ты резать будешь? Ножик дать?

– Я?! Твою мать! – до тугоумного Диззи наконец дошло. – Надо было проводника дожидаться... Он бы и отрезал!

– Твой трофей, – ухмыльнулся Игги. – Ты и режь.

Глюк заржал молодым жеребцом, Лат расплылся в улыбке. Настроение улучшилось у всех, кроме возмущенного Диззи.

– Становись к туше! Снимемся и летим дальше!

– Все трофеев хотят!

– Давай, не тормози!

Диззи облапил подругу, тиская ей грудь. Хью нацелился камерой, вспыхнул контрольный индикатор – запись пошла. Крупный план в кадре сменился средним, захватывая часть джунглей...

– Что за гадство! – Хью нахмурил брови. – Настройки полетели...

IV

Джунгли ожили; вернее, расслоились. В мешанине листьев, ветвей и лиан проступили зыбкие силуэты. Так бывает, когда сбоит голопроектор. Объемные фигуры превращаются в призраков, плоских, как лист оформительской пленки, и сквозь них просвечивает «задник».

«Вот это меня вштырило! – восхитился Игги. – С чего бы?»

Два призрака шагнули ближе, обретая материальность. Шесть суставчатых лап возносили выше человеческого роста раковину – глянцевый, витой, сильно наклоненный вперед конус. Раковины были наискось срезаны на концах. Из срезов, из темно-красной перламутровой глыбины, словно мясистые опухоли, выпирала лоснящаяся, розовая масса. Если красота раковин приводила в восторг, то их содержимое – сухопутные моллюски – вызывало инстинктивное омерзение. Игги попятился, поднимая «Стрелу». Руки онемели, ружье грозило выпасть из пальцев. Воздух, горячий и влажный, комом блевотины застрял в глотке. Игги судорожно икнул – раз, другой. Приклад «Стрелы» ткнулся в плечо. Паук, подумал Игги. Моллюск. Паллюск, оп-ди-ду-да! Шестиногая дрянь в прицеле рябила, расплывалась. Неприятно подергиваясь, паллюск шел цветными пятнами. Из последних сил Игги боролся с икотой. Я промажу, знал он заранее.

Однозначно промажу!..

Студень паллюска дрогнул. Миг, другой, и на Игги уставились два жемчужно-мутных бельма. Они сидели на кончиках слизистых рожек. Вокруг бельм наскоро формировалось безволосое лицо – судя по чертам, вполне человеческое.

Мое, хихикнул Игги. Чтоб мне сдохнуть, мое!

Истошно завизжала подруга Диззи. Эхом взвизгнул импульсник Миры. Вспышка, и Игги, отчаянно заорав, тоже нажал на спуск.

– Мое! – крик рвал горло. – Отдай мое лицо, мразь!

Палец занемел, разряжая батарею ружья.

– Ди-ду-да! Ди-ду-да, чтоб ты сдох!

Рядом палили, визжали и матерились. Раковина ближайшего паллюска разлетелась на куски, обдав охотников гейзером белесой жижи. Остро, вызывая тошноту, запахло креветочным супом с цитронеллой. Суставчатые ноги твари разъехались, скрежеща когтями по камням; дымясь, останки рухнули наземь.

– Есть! Мы ее завалили!

Игги развернулся ко второму паллюску и ослеп, как от огня плазменной сварки. Не целясь, он выстрелил в этот огонь. Сквозь багровые, сводящие с ума круги он видел, что на него надвигается зеркало. В зеркале полыхало неистовое солнце Тренга, а за буйством плазмы проступало еще одно, смутно знакомое лицо. Мира, подумал он. Мира, лисичка моя! Они и тебя обокрали... Отшвырнув разряженный лучевик, рыдая от рези под веками, Игги бросился прочь, не разбирая дороги. Нога подвернулась, угодив в трещину между камнями, Добс упал, до крови ободрав колени, снова вскочил, не чуя боли – бежать, бежать!

На карачках, на четвереньках; ползти...

– Скалы! – надрывался с небес баритон Латомбы. – Все на скалы!

Джунгли рождали все новых паллюсков. Они сияли на солнце, будто их облили жидким металлом. Отступая, Диззи и Хью продолжали стрельбу, но раковины-зеркала отражали лучи. Плавились камни, вспыхивали кусты и деревья. Впереди, в тридцати метрах от Игги, обогнав всех, взбирался на скалу Латомба. Распластавшись по камню, он перетекал с места на место, как клякса. Только кляксы обычно сползают вниз, а упрямец-стриптизер тётк вверх. Впервые в жизни прекрасно развитые мышцы Латомбы пригодились вудуну не для того, чтобы бесить гормонами мозги богатых климактеричек.

За ним, подменяя ловкость страхом смерти, карабкались Глюк и обе девушки.

Подруга Диззи добралась до плоского уступа. Привстала на цыпочки, ухватила за жилистую, выглядевшую крепкой плетью скального вьюнка. Плеть лопнула, два вопля слились в один: сорвавшейся девушки и толстяка Хью. Подруга Диззи бестолково копошилась у подножия скалы, вытирая о плечо рассеченную до крови щеку. Она больше не кричала, только скулила, как покалеченная собака.

Зато Хью орал, как резаный.

Поздно, слишком поздно он внял совету Латомбы. Зазубренный коготь паллюска насквозь пробил икроножную мышцу толстяка. Хью корчился раздавленным слизнем и вопил благим матом, брызжа слюной. Он не видел, что сверху на него уставилось его собственное лицо, вылепленное из скользкой плоти. Паллюск изучал человека с любопытством энтомолога, насадившего на булавку редкого мотылька.

Обернувшись на бегу, Диззи выстрелил. Луч полоснул по сочленению лапы, пригвоздившей толстяка, и срезал ее, словно ножом.

– Оп-ди-ду! – бормотал Игги, взбираясь на скалу. – Оп-ди-да!

Время от времени он выворачивал голову так, что в шее опасно хрустело. Не для того, чтобы узнать, далеко ли паллюски, гонятся ли они за беглым элит-визажистом. Игги Добсу было интересно. Интересно, долбись оно слоном!

Хью ухватился за обрубок паучьей лапы, торчащий из окровавленной икры. С хриплым ревом толстяк вырвал пакость из раны. Вскочив, он с неожиданной резвостью заковылял прочь, оставляя за собой след, привлекательный для любого хищника. Впрочем, паллюск не стал гнаться за пожирателем блинов. Задрав раковину, тварь уставилась вверх. Там, на вершине скалы, приплясывал дуреющий от возбуждения Латомба. Зрелище заворожило паллюска. Псевдо-лицо Хью, далеко выдвинутое из раковины, заколебалось, подернулось рябью. Миг, и розоватая плоть сделалась темной, почти черной.

На стриптизера глядела его копия.

– Пляши! – взывал Игги. – Пляши, Лат!

И сорвался вниз.

Перед глазами замелькали каменные сколы. Игги попытался за что-нибудь уцепиться, но только сорвал два ногтя на правой руке. Природный наждак с палаческим удовлетворением мазнул по лбу, и Игги оказался на исходной позиции: у подножия скалы. Он помотал головой, пытаясь избавиться от звона, но тот лишь переместился из одного уха в другое. Лоб отчаянно саднил. Забыв о паллюсках, Добс тронул его ладонью, взывал от острой боли – и тупо уставился на пальцы, окрашенные красным. Охотничий костюм был изодран в клочья. К счастью, армированная ткань сражалась до конца. Если бы не прочность одежды, клочьями свисала бы сейчас кожа Игги.

Сил для второй попытки не осталось.

Паллюски разбрелись по округе. Двое – самые крупные, с лицами Игги и Миры – склонились над махайродом, заплывая хищника в два рта. Чуть выждав, они вытянули губы трубочкой – дальше, еще дальше, пока рты не превратились в морщинистые хоботки – и присосались к туше. Еще один, мелкий, с раковиной, треснувшей по краю, лакомился останками своего же растрелянного приятеля. Искалеченный паллюск с физиономией Лата, за неимением иной поживы, высасывал содержимое из обрубка собственной лапы, валявшегося на земле. Остальные бродили вокруг, как бы в раздумьях, забыв о горе-охотниках. Звуки, которые издавали паллюски, странным образом напоминали человеческую речь. Игги даже показалось, что он разбирает свистящие и булькающие слова:

– Завалилл... завалилли...

– ...мрассь...

– Вшшштырилло...

– Помогите! На помощь!

Нет, понял Игги. Это не паллюски.

Кричал Глюк, оседлав горбатый уступ. Король вирт-шоу склонился к коммуникатору, уткнувшись носом в ярко-алое мерцание сферы, активированной в аларм-режиме, и повторял призыв, как заклинание. В трех метрах выше, на вершине, рядом с упавшим на колени Латом, рыдала бледная, дрожащая Мира. Под ними, обходя паллюсков по широкой дуге, ковылял к джунглям Хью. Кровь из ноги толстяка продолжала течь, но Хью упрямо шел, пока не исчез за деревьями. Диззи нигде не было видно; его подруга, отчаявшись встать, ползла в сторону аэромоба. С такими темпами она добралась бы до цели к вечеру. От вида ее развороченной щеки Игги едва не сблевал.

Один паллюск обернулся к Игги:

– Ссздоо? Сдоооххни...

– Ооп-ди, – поддержал второй. – Ду-ду-ддаа...

Мертвыми пальцами Игги нащупал рукоятку «Ангстрема». Он еще колебался, не зная, что разумнее – стрелять в тварей или застрелиться самому – когда в зарослях раздался громкий треск. Из кустов выломился Хью, ковыляя заметно быстрее, чем раньше. Толстяк от кого-то удирал; от кого-то, кто пугал его больше отвратительных паллюсков. Тут с Игги случился краткий приступ *déjà vu*. Джунгли за жирной спиной Хью расслоились во второй раз. Сквозь

листву и плетеные занавеси лиан проступили зыбкие силуэты: много, больше десятка. Игги всмотрелся – и захрипел от рези в многострадальных глазах. Опушка полыхнула диким, убийственным пламенем; казалось, из кустов по Игги Добсу ударила батарея плазматоров.

Паллюски проявили неожиданную прыть. Они кинулись к засевающим в джунглях стрелкам, стремительно сокращая дистанцию. Но добраться до врага тварям не удалось. Шквал огня смел их на бегу, отсекая паучьи ноги, разнося раковины в куски, выжигая из панциря склизкую плоть. Самый шустрый метнулся в сторону, но прожил лишь на секунду дольше остальных.

Игги глянул на «Ангстрем», который держал в руке. Затолкать оружие в кобуру удалось с третьего раза. Он вытер о штаны ладонь, скользкую от пота и крови, встал и, спотыкаясь, направился к спасателям.

– Где вы шлелись, дармоеды?! Нас чуть не сожрали!

Молодой спасатель слушал Игги с каменным лицом.

– Да ты знаешь, урод, кто я?! Ты в курсе, какая у меня страховка?!

Спасатель не пытался вставить хоть слово в свое оправдание, и это доводило Добса до белого каления.

– Ты должен на спутнике верхом сидеть! День и ночь! Бдить за мной, идиот! Я тебя по судам затаскаю! Всю твою сраную контору! По миру пушу! Будешь дерьмо жрать и ботинки мне лизать...

Правый бок взорвался черной, оглушающей болью. В глазах потемнело. Игги хотел выдохнуть, но вместо воздуха, спекшегося в легких, его мучительно вывернуло желчью; и еще раз. Когда он наконец смог дышать, а тьма поредела, Игги обнаружил, что лежит, скорчившись, в луже паллюсковой слизи. Рядом с виском Добса качался с пятки на носок пыльный армейский ботинок.

– ...жаловаться, – простонал Игги. – Я иск подам...

– Это ваше право, – согласился ботинок.

– Кто вы... такой?

– Курсант Тумидус, 17-е высшее военное училище либурнариев ВКС Помпилианской Империи. Четвертый курс, первая манипула. Личный номер 172843PQL. Запомнили, или вам записать?

Оп, мертвея, понял Игги. Полный оп, и ди-ду-да. Помпилианцы! Чужая планета, безлюдный остров, кругом одно зверье... Ни адвокатов, ни телохранителей, ни просто свидетелей! Высший разум, лучше бы нас сожрали...

– Вы знаете, где находитесь? – допрашивал неумолимый ботинок.

– Н-на Тренге...

– А точнее?

Возьмут в рабство, сказал себе Игги. Точно, возьмут. Буду болтаться за хозяином до конца жизни. Безвольная кукла, живая батарейка. Сдохну на заводе или в ходовом отсеке галеры...

– На острове... На острове Андин!

– Вы уверены?

– Да!

– Вынужден вас разочаровать. Вы на острове Сколарис. Этот остров сдан Лигой в аренду Помпилии сроком на девяносто девять лет. Посторонним здесь находиться запрещено.

– Глюк! – заплакал Игги. – Глюк, сволота... Ты вводил координаты?

– Где ваш проводник? – ботинок отступил на шаг. – Представитель туркомпании?

– Нету...

– Ваш транспорт в порядке?

– Наверное...

– Гельвий, Секст! Окажите помощь раненым.

V

- Курсант Тумидус, вы идиот!
- Так точно, господин дисциплинар-легат!
- Вы – безмозглый кретин!
- Так точно, господин дисциплинар-легат!
- Вы – позор военно-космического флота Помпилии!
- Так точно...

Начальник училища замолчал, глядя на проштрафившегося курсанта. Марк стоял навытяжку и преданно ел глазами командира. Стройный, молодцеватый, широкоплечий; берет либурнария, согласно традициям абордажной пехоты, лихо сбит на затылок. Белокурый чуб, вырвавшись на волю из-под резинки берета, закрывал часть лба до левой брови. На лице парня читалось раскаяние – такое же искреннее, как обещание волка сделаться вегетарьянцем.

Девки, подумал начальник. Дуреют, небось, девки-то.

– Этот извращенец, – тихо сказал дисциплинар-легат Гракх, – эта слизь...

И поправился:

– Этот Игги Добс, которого вы оскорбили рукоприкладством – сам по себе он никто. Дрянь и сволочь. Но среди его клиентов встречаются люди с положением в обществе. Госпожа Ташри, старшая жена премьер-министра Нутарана, даже в сортир не ходит без консультаций своего стилиста. Вы слышали о патриархе Олоферне VI, Человеке-с-тысячей-обликов? Разумеется, слышали. Его святейшество – звезда желтой прессы. Тоже, кстати, Добсова работа. Поп-дивы, сенаторы, любовницы диктаторов и финансовых воротил... Как вы думаете, курсант Тумидус, что произойдет, если Добс начнет жаловаться? При его-то связях? Вольно! Я жду ответа.

– Полагаю, что ничего особенного, – Марк расставил ноги на ширину плеч и заложил руки за спину, как велел устав. – Я бил господина Добса по корпусу. Даже если, вернувшись на базу, он зафиксирует побои в местном лазарете – будет трудно доказать, что это моя работа. В форс-мажорной ситуации Добс вполне мог удариться о камень или ветку дерева. Я не говорю о том, что он мог получить травму при контакте с опасным животным.

– С опасным, значит? С животным?

– Так точно!

– Насчет животного вы правы, курсант...

Начальник училища прошелся по палатке. В жилом офицерском корпусе, расположенном за медблоком, у дисциплинар-легата были три комнаты, которые большую часть времени пустовали. Гракх предпочитал палатку; здесь он ночевал, здесь проводил совещания, благо место позволяло. На груди начальника поблескивали орденские планки, тугой воротник мундира был скреплен посередине Глазом Бури I степени – наградой за личную храбрость в бою. Иногда, в минуты слабости, Гракх думал, что рукопашная – детский лепет в сравнении с педагогической деятельностью.

– Я видел записи со спутника, – он встал у «бойницы». Металлизированная ткань палатки в этом месте была прозрачной. Блики солнца играли на глянце планок. – Лицо вашего... м-м-м... вашего протеже, курсант Тумидус, носило явные следы повреждений. Царапины, ссадины, кровоподтеки. Вы готовы прокомментировать?

– Так точно, господин дисциплинар-легат! – Марк снова вытянулся в струнку. – Спасаясь от хищников, господин Добс был крайне неуклюж. Если вы видели записи со спутника, вы могли убедиться в этом сами. Когда же я... э-э... вступил с господином Добсом в физический контакт, мы находились в тени скалы. Там есть такой козырек... Короче, в данном случае

спутниковая съемка вряд ли даст конкретный результат. Наш разговор с господином Добсом был сугубо конфиденциальным.

На столе запиликал уником. Дисциплинар-легат взмахнул рукой, позволяя системе наблюдения считать код его личной татуировки. Миг, и над уником всплыла сфера локальной связи. В «пузыре» смешно колыхалась голова Сергия Туллия, обер-манипулярия медицинской службы. Связь барахлила, нос Туллия то сползал на щеку, то раздваивался на два хоботка.

– Инъекции, – сказал медик. – У меня все готово.

– Хорошо, – начальник училища кивнул. – Ждите, Туллий. Я приказал вести четвертый курс к вам. Курсант Тумидус подойдет отдельно, чуть позже. У нас с ним частная беседа.

– Четвертый курс уже у меня, – сварливо бросил медик. Нос Туллия стабилизировался, зато левый глаз начал аритмично подмигивать. Казалось, медик на что-то намекает. – У них сегодня первая «офицерская». Я хотел напомнить, что вакцина в распечатанном состоянии нестабильна. Пусть курсант Тумидус не опаздывает. Вы же в курсе, Гракх...

– Я в курсе. Не торопите меня, Туллий.

– Вы его что, разносите? Едите поедом, ставите клизму? Хорошее дело. Скажите, пусть в следующий раз бьет по почкам. Это я вам говорю, как врач...

– Туллий!

– Все, все...

Сфера погасла. Гракх бросил быстрый взгляд на курсанта. Тот превратился в камень, в мраморную статую – хоть сейчас ставь перед Академией генштаба. Лишь уголок рта дрожал, выдавая мучительную борьбу со смехом.

– Зря, курсант Тумидус, – Гракх сел к столу. – Зря веселитесь. Разумеется, я мог бы наказать вас. Но мы оба понимаем: наказание – шар в пользу Игги Добса. Если я наказываю вас, значит, вы заслужили, и он прав.

– Разрешите обратиться, господин дисциплинар-легат?

– Обращайтесь, курсант.

– Вы без проблем можете найти сотню нейтральных причин для наказания. Прикажете идти на гауптвахту?

– Нет, не прикажу. По большому счету, вы заслуживаете поощрения за спасение этих придурков. Я хотел сказать, за спасение группы туристов, попавших в экстремальную ситуацию. И все же... Учитесь сдержанности, Марк. Я старше вас, я знаю, что говорю. Уверен, то же самое вам сказал бы ваш дядя, гард-легат Тумидус...

Дисциплинар-легат осекся, понимая, что брякнул лишнего. Он видел, как изменилось при его словах лицо курсанта. Казалось, парню без предупреждения отвесили оплеуху. С дядей Марка, гард-легатом Гаем Октавианом Тумидусом, Гракх учился в академии, после чего участвовал в ряде кампаний. Домой легат Тумидус вернулся кавалером ордена Цепи и малым триумфатором, а легат Гракх – кавалером Глаза Бури. И что? У судьбы есть чувство юмора: она сама шутит, сама и смеется. В данный момент Тумидус-старший решением сената Помпилии лишенный чинов, званий и наград, считался предателем Отечества и врагом помпилианского народа – по причинам, о которых начальник училища предпочел бы не вспоминать.

Уверен, подумал он, парень пошел во флот из-за дяди. В детстве восхищаться бравым героем, лихим воякой, образцом для подражания, чтобы в юности узнать: твой герой – изменник... Чего ты больше хочешь, курсант Тумидус? Стать таким, как дядя в минуты его триумфа – или искупить дядину вину? И то, и другое – глупость. Впрочем, сейчас ты этого не поймешь. Даже начни я вколачивать это тебе в мозги со всей флотской прямоотой – нет, не поймешь. Годы твои не те, чтобы понимать. Гракх знал, что отец Марка, видный энергетик Октуберана, был категорически против решения сына стать офицером. И дед, в прошлом – известный артист цирка, возражал как мог. Что ж, парень, упрямства тебе не занимать. Характер – оружие; главное, не стрелять по своим...

– Скажите, курсант, – начальник училища забарабанил пальцами по пластику столешницы. Дурная привычка: Гракх всегда начинал барабанить, затрагивая в разговоре скользкие темы. Наверное, поэтому остался холостяком. – Почему вы решили стать либурнарием? Я имею в виду, почему именно абордажная пехота? Если вы хотели посвятить жизнь военному флоту, вы могли бы стать связистом, пилотом истребителя... Десантником, наконец! Абордажная пехота, скажу вам прямо, не самый популярный род войск...

Посвятить жизнь, подумал Гракх. Штамп из агитки.

Кажется, я все испортил.

– Основой энергетической независимости Великой Помпилии, – Марк выкатил грудь колесом, барабана как по писаному. Глаза парня превратились в оловянные пуговицы, – является рабовладение. Страна нуждается в притоке новых рабов. Абордажная пехота, чьей задачей и почетной миссией является захват живой силы потенциального противника...

– Отставить, курсант.

Гракх смотрел на Марка до тех пор, пока молодой человек не опустил взгляд. Такие поединки дисциплинар-легат научился выигрывать с давних пор, еще когда был молодым обер-центурионом с тремя орлами в петлицах.

– То же самое вы говорили на собеседовании, подав заявление с просьбой принять вас в наше училище. Эти слова повторяют все будущие курсанты. Проклятье! Я заучил их назубок. Они снятся мне по ночам. Это правильные слова: и по форме, и по содержанию. Но я хотел бы услышать вас, курсант Тумидус, а не профессионального идеолога, мастера составлять брошюры «Служу Отечеству!». Вы удивлены?

Марк пожал плечами:

– Мне нечего добавить, господин дисциплинар-легат. Энергетика нашей расы базируется на использовании рабов. Обеспечивать рост их количества – функция абордажной пехоты. Да, невольничьи рынки. Да, варварские царьки, меняющие подданных на бусы и лучевики устаревших моделей. Но либурнарии берут рабов по-нашему, по-помпилиански – в бою. Как и тысячи лет назад. Если я хочу служить во флоте, мое место на либурне.

Отец, подумал Гракх. Я чую след отца. Парня хотели сделать энергетиком, отцовским преемником; позже, когда парень удрал во флот, отлучили от дома. Теперь курсант Тумидус – отсюда, за тысячи парсеков от Октуберана! – доказывает отцу, что в какой-то мере следует заветам родителя. Вряд ли он сам это осознает, и тем не менее... След дяди виден еще ярче. Надеюсь, парень перерастет дурацкий комплекс – служить испугателем. Иначе ему будет трудно. У нас, военных, хватает своих неврозов, чтобы тащить еще и чужие.

– По плечу ли ноша? – спросил Гракх.

Марк улыбнулся:

– Мой дед однажды сказал: «Важен не вес. Важно, кого несешь.» Я запомнил.

Проникая в «бойницы», солнце расчерчивало пол палатки на длинные прямоугольники. Молчал уником – с укоризной, словно медик Туллий напоминал: «Пусть курсант Тумидус не опаздывает. Вы же в курсе, Гракх...» Вдалеке, за периметром лагеря, раздался рев зверя – и смолк.

– Вернемся к спасению туристов, – сказал дисциплинар-легат. – Значит, козырек? Вы были в тени скального козырька?

– Так точно!

– Вас не могли заснять со спутника?

– Так точно!

– Лицо Игги Добса к тому времени уже носило следы повреждений?

– Так точно!

– И ты, болван, ударил его в печень? Туллий, клистирная трубка, тоже хорош – по почкам... Чем ты думал, позор военно-космического флота?!

– А куда надо было бить, господин дисциплинар-легат?
Гракх молчал. Молчал и Марк.
В глазах курсанта медленно возникало понимание.

КОНТРАПУНКТ МАРК КАЙ ТУМИДУС ПО ПРОЗВИЩУ КНУТ (двадцать два года тому назад)

Раньше в цирках убивали.

Ну да, в седой древности. И что? Умелые бойцы вставляли друг дружке меч в печень. Еретиков жрали львы. Детей еретиков – леопарды. Метатели ножей демонстрировали свое мастерство на приговоренных к смерти. Врагов народа – особая честь! – рвали на части упряжками коней. Публике нравилось, публика хотела еще.

В паузах выходили клоуны.

Это свойственно человеку. После острого тянет на кисленькое. После смерти – на смех. Клоуны кувыркались, обменивались пощечинами, ездили задом наперед на деревянных лошадках. Случалось, срывали аплодисменты. Насмеявшись вдоволь, публика гнала клоунов прочь.

Возвращалось время клыков и крови.

Сейчас, тысячелетия спустя, я не думаю, что многое изменилось. Глядя на акробата, творящего чудеса под куполом, партер с замиранием ждет: когда же он сорвется? Хлопая укротительнице, смиряющей тигра, ряды втайне надеются, что однажды хищник вспомнит, кто он, и превратит красотку в сочную отбивную. Люди не злы, о нет! Просто чужая смерть – лучшее в мире зрелище. О ней можно вспоминать годами, чувствуя собственную значимость. Рассказывать друзьям и близким: помнится, имел я удовольствие видеть...

В паузах по-прежнему выходят клоуны.

В паузах между надеждой, от которой пахнет кровью, и надеждой, в которой звучит похоронный оркестр. Вся история Ойкумены – эта надежда, которая сбывается чаще, чем хотелось бы, и клоуны в паузах.

И не говорите мне, что я – мизантроп.

Просто я не сразу стал клоуном.

(из воспоминаний Луция Тита Тумидуса, артиста цирка)

- Внук, – сказал Луций Тумидус со счастливой улыбкой.
- Сын, – сказал Юлий Тумидус.
- У меня родился внук.
- У меня родился сын.

Мужчины переглянулись. Строгий, сдержанный Юлий – двубортный пиджак, белая сорочка, тугой узел галстука. Раскованный, свободный в движениях Луций – клетчатая рубашка расстегнута до пупа. Ничего общего. Семейное сходство раскопал бы, пожалуй, лишь археолог, мастер восстанавливать кувшины по черепкам.

Дед достал флягу.

Отец покачал головой: не здесь.

Пожав плечами, дед сделал глоток.

Без одобрения глянув на Луция, Юлий тронул пульт связи. Миг, пока запрос обрабатывался, и стена перед мужчинами растаяла, открыв палату с роженицей. Валерия кормила малыша грудью. Головка ребенка лежала на сгибе материнской руки; пальцами свободной руки

женщина легко проводила по щеке сына, ближе к губам, стимулируя сосательный рефлекс. Она знала, что за ней наблюдают – информателла оповестила роженицу, кто находится в «комнате свиданий» на первом этаже – и нисколько не смущалась этим. Захоти Валерия Тумидус избавить себя от контактов с семьей, она бы сделала это без труда. Одно слово возражения, и связь мгновенно прервется.

«У нас рожают королевы!» – девиз Родильного дворца № 1 Управления здравоохранения Юго-Восточного админокруга города Нум, планета Октуберан. Стоимость услуг – продай звездолет, роди сына. Впрочем, семья Тумидусов жила в достатке. Они могли позволить себе солидный контракт на ведение беременности.

– Дорогая, – Юлий откашлялся. – Я счастлив сообщить...

И замолчал.

Валерия тихонько засмеялась, стараясь не потревожить ребенка. Она знала, как муж умеет выражать свои чувства словами.

– Хорошая грудь, детка, – Луций отсалютовал невестке флягой. – Поверь старику, у меня большой опыт. Когда мой скромный сын уйдет, я расскажу тебе про одну крошку с Хиззаца. Высший разум, что мы вытворяли! Юлий, заткни уши, тебе рано слышать о таком. А может, поздно...

И подмигнул.

– Отец! – возмутился Юлий, багровея.

– Не смешите меня, – сказала Валерия. – Вы мешаете кормлению.

На щеках ее играли очаровательные ямочки.

– Я назову его Марком, – Юлий все не мог успокоиться. Поведение отца он считал возмутительным. – В честь моего деда.

– Марком Каем, – поправила Валерия. – Мы назовем его Марком Каем. У меня тоже есть дед, дорогой.

– В честь живых не называют, – возразил Юлий. Он полагал себя тактичным, но прямым человеком. – Хотя... Пусть будет по-твоему. Марк Кай Тумидус – звучит неплохо. Как ты думаешь, отец?

– Отлично звучит, – согласился Луций. – Я уже люблю этого парня. Я любил бы его, даже если его звали бы Диджестив Карпалахендра. У нас был эквилибрист-эксцентрик с таким именем.

– Папа!

– Что – папа? Ты не любишь эквилибр, Юлий?

Валерия снова засмеялась. Приподняв ребенка, она дождалась, пока маленький Марк срыгнет, вытерла ему рот – и снова уложила рядом с собой.

– Кого он у тебя *оторвал*? – деловито осведомился Юлий.

– Восемнадцатого, – ответила Валерия.

– Ты уверена?

– Разумеется, дорогой.

– Я распоряжусь, чтобы восемнадцатого пометили.

– Конечно, дорогой.

Не прерывая визуальной связи с палатой, Юлий достал уником. Пальцы его тронули сенсоры. Вскоре в голосфере всплыло лицо дежурного по 2-й городской энергостанции. Дежурный жевал – вызов застал его во время обеденного перерыва.

– Это я, – сказал Юлий. – У меня родился сын.

– Мои поздравления! – дежурный вытер рот салфеткой. – С вас причитается!

– Велите пометить раба номер восемнадцать, принадлежавшего моей жене, Валерии Тумидус. Теперь он принадлежит моему сыну, Марку Каю Тумидусу. Остальные распоряжения я сделаю позже.

Дежурный наклонился вперед:

– Ресурс восемнадцатого исчерпан на 87 %. Имейте в виду...

– Насколько его хватит?

– Около двадцати месяцев в обычном режиме использования. В режиме «экстра» – три месяца. В экономичном режиме...

– Достаточно. К тому времени я позабочусь, чтобы мой сын обзавелся свежими, более энергоемкими рабами. На курсах молодых отцов меня предупреждали об этом...

Юлий не был молодым отцом. Младенец Марк, первенец четы Тумидусов, родился поздним ребенком. В остальном Юлий, главный инженер 4-го окружного энергокомплекса, куда входила и 2-я городская станция, сказал правду. Мужчина-помпилианец и без курсов отлично знал, что своего первого раба ребенок *отрывает* у матери, во время родов. В утробе дитя воспринимает себя и мать, как единый организм, а рабов матери, как своих собственных. Клеймо плода – пси-орган, итог эволюции помпилианской расы, дающий возможность превращать свободных людей в рабов, в безвольный придаток хозяина – дремлет, подавленное материнским клеймом. Если беременная женщина страдала тяжелыми неврозами или была психически неуравновешена, случалось даже, что клеймо матери целиком поглощало клеймо плода, и ребенок рождался рабом. К счастью, такие чудовищные отклонения были редкостью. Наблюдение опытных врачей за течением беременности позволяло предвосхитить трагедию и заранее принять необходимые меры. В обычной ситуации при отсечении пуповины – разрыве прямого контакта с матерью – младенец в состоянии стресса, нуждаясь в рабах, как в воздухе или питании, хватался за тех рабов, что принадлежали матери, и *отрывал* одного, присваивая его себе. Процесс этот был болезненным для роженицы, но не слишком. Главное, что мать сразу определяла, какого именно раба присвоил себе ее малыш.

Первый вдох; первый рывок клейма. Это называлось: «хватательный альфа-рефлекс». Для помпилианца – естественный, как рефлексы вздрагивания, зевания или кашля.

Слабый, испуганный ребенок хватался за слабого раба. Ресурс добычи, как правило, был исчерпан на 70–90 %. Запасы внутренней свободы, перерабатываемые на станциях Великой Помпилии в энергию, у «детских» рабов не могли быть велики – иначе младенец с едва проснувшимся, вышедшим из-под материнской опеки клеймом не справился бы с объектом захвата. По мере взросления сына или дочери родители приводили к детям более энергоемких рабов – тренируя юные клейма, выводя их на полную мощность.

Приводить к подросткам свободных, не знавших рабства людей начинали с тринадцати лет. Иногда – раньше, если на то были рекомендации врачей и психологов.

– Дежурный прав, дорогой, – вмешалась Валерия. – Доктор Целия сказала мне, что клеймо нашего сына чуточку недоразвито. Нет повода для беспокойства, сказала она. Большинство сильных клейм в начале жизни проявляет себя точно так же. Доктор Целия рекомендует провести повторный захват, выбрав раба с ресурсом в районе 70–75 %. Это стимулирует...

– Я понял, – перебил жену Юлий. Ему не понравилось, что Валерия вслух признала правоту дежурного, а значит, ошибку Юлия. – Когда можно провести повторный захват? Так, чтобы не повредить тебе и нашему Марку?

– Доктор Целия говорит, когда угодно. Как только раб будет здесь, она придет контролировать захват. Доктор Целия – опытный врач, я в ней уверена.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая?

– Отлично.

– А наш сын?

– Спит. Он такой милый, когда спит.

– Может, лучше провести повторный захват, когда он проснется?

– Доктор Целия сказала, что это непринципиально. Поступай, как знаешь, дорогой.

– Хорошо.

Юлий повернулся к сфере. Голова дежурного была повернута к нему затылком. Тарелка грибного супа с тефтелями занимала дежурного много больше, чем проблемы новорожденного Марка Кая Тумидуса.

– Я выведу наружу своего раба номер тридцать пять, – раздраженно бросил Юлий. Его всегда раздражало, когда кто-то ел в его присутствии. То, что дежурный находился на другом конце города, ничего не меняло. – Предупредите, чтобы его выпустили без проблем. Какой у тридцать пятого ресурс? По-моему, 72 %...

– Семьдесят один с половиной, – уточнил дежурный, скосив глаз на уником. Речь его была невнятной из-за набитого рта. – Не беспокойтесь, я распоряжусь. Я могу закончить обед?

– Приятного аппетита. Благодарю за содействие.

И Юлий отключился.

– Таким тоном, – вмешался Луций, помахивая наполовину опустевшей флягой, – желают сдохнуть от пищевого отравления. Надеюсь, у него крепкий желудок. Юлий, сын мой, не нервничай по пустякам. Валерия, солнышко! Как он сделал тебе сына, этот зануда?

– Сделал, и неплохо, – засмеялась Валерия.

Далеко отсюда, на минус девятом этаже 2-й городской энергостанции, человек с пустыми глазами убрал руки от контактных пластин трансформатора. На рукаве его серой робы была нашита желтая полоска с номером «35». Под номером располагалась надпись: «Принадл. Ю. С. Тумидусу». Человек с пустыми глазами вышел из зала, где сидело полторы сотни таких же, как он, миновал длинный коридор и вызвал лифт. Поднявшись на нулевой этаж, он подошел к дверям, ведущим на улицу, и замер. Луч сканера мазнул по нашивке; миг, и двери открылись. Дежурный не соврал – суп с тефтелями не помешал ему отдать распоряжение на вахту. Человек с пустыми глазами прошел на стоянку аэротакси и сел в свободную машину.

«Принадлежу Юлию Сергию Тумидусу, – голосом блеклым, как небо над голыми, облетевшими деревьями, сказал он. – Следую в Родильный дворец № 1 Управления здравоохранения Юго-Восточного административного округа. Оплата рейса по безналичному расчету. Номер кредитной карты «Romul»: 3498-75A-740E9-31. Спасибо, у меня все.»

Шофер не обернулся. Такси взмыло в воздух, сделало круг над комплексом и умчалось на юго-восток. Через восемнадцать минут в банке «ИнтерКассий» со счета Юлия Тумидуса было снято три сестерция и два асса в пользу транспортной компании «Ветерок».

– Ты пошляк, отец, – сказал Юлий, нисколько не заботясь оплатой такси и человеком с пустыми глазами. Пси-поводок, с помощью которого он управлял рабом номер тридцать пять, действовал рефлекторно, не нуждаясь в сознательном участии хозяина. – Мне больше нравилось, когда ты работал наездником. Почему ты перешел в клоуны? Ты мог остаться руководителем группы...

– Возраст, – отмахнулся Луций. – Проклятые годы.

– А для клоуна ты что, молод?

– Пока я клоун, я молод. Хочешь, я забабахая тебе братика?

– Мама умерла три года назад, – сухо ответил Юлий.

– Есть куча юных курочек, готовых приласкать старого клоуна. Это нос у меня накладной. А все остальное – натуральное. Если бы не моя врожденная порядочность, я бы давно отбил у тебя жену. Не так ли, Валерия?

Юлий с осуждением взглянул на отца. Он был уверен, что отец нарочно злит его. Дразнит, выводит из равновесия. По природе не склонный к сильным чувствам, Юлий не замечал, что прячет Луций за клоунской маской. Возраст? – Луций Тумидус перешел из наездников в клоуны сразу после того, как узнал о болезни жены и услышал от врачей: «Безнадежно...» С другой стороны, даже сопоставив Юлий эти факты – он все равно не понял бы поступка отца, и не увидел бы в нем ни малейшего смысла.

– Ты неисправим, – вздохнул Юлий.

И ослабил узел галстука, что в его представлении о приличиях граничило с танцем на столе.

Повторный захват прошел успешно. Во время захвата Валерия помогала сыну, стимулируя клеймо маленького Марка – точно так же, как раньше поглаживанием стимулировала сосательный рефлекс. Доктор Целия сказала, что для беспокойства нет причин.

Человек с пустыми глазами вернулся на станцию и сел к трансформатору. Вечером на его робе сменили нашивку. Теперь там стояла цифра «2» и надпись: «Принадл. М. К. Тумидусу». Номер «1» значился на нашивке другого человека с пустыми глазами – того, который до рождения Марка принадлежал Валерии Тумидус, в девичестве Альфен.

Глава вторая

Первая офицерская, или Сбор ботвы в полевых условиях

I

– Садитесь, курсант. Нет, не сюда. В седьмое кресло...
– Слушаюсь, господин обер-манипулярий!
– Застегните манжеты.
– Разрешите обратиться! В манжетах нет никакой...
– Отставить, курсант. Застегните манжеты: ручные и ножные. Воротник я зафиксирую сам. И можете без чинов. Обращение «доктор» меня вполне устроит...

Вздыхнув, Марк сел в кресло. Палец коснулся сенсора, и рука успела вернуться на подлокотник за миг до того, как из пазов выползла манжета. Запястья и щиколотки обвили черные, лоснящиеся змеи, подмигивая глазками-огоньками. Кроме сбора данных о состоянии здоровья – пульс, частота дыхательных движений, артериальное и внутричерепное давление, анализ крови – манжеты надежно удерживали Марка на месте, не позволяя делать резких движений.

Прежде чем зафиксировать воротник, удерживающий голову курсанта, доктор Туллий сменил музыку. В медбоксе, пожалуй, не бывало ни минуты тишины. Лютневые и флейтовые концерты, сонаты для клавесина, скрипичные дуэты... Над этой странностью доктора потешалось все училище, но за глаза. Шутникам, рискующим подпустить Туллию шпильку, доктор спокойно разяснял, что под флейту даже коровы лучше доятся. Каким-то чудесным образом с этого момента все процедуры становились для шутников очень болезненными. Обычная проверка коленного рефлекса превращалась едва ли не в удаление зуба мудрости уличным цирюльником из нищих кварталов Раджамудры.

– Давит. Слишком тесно...
– Потерпите, курсант.
– Зря вы это, доктор. Я давно привык к вашим инъекциям.
– К обычным – да. Сегодня у вас первая «офицерская», и хватит пререкаться. Если бы вы явились ко мне на полчаса раньше, увидели бы, что я фиксировал на креслах весь ваш героический курс. И каждый считал своим долгом спорить со мной до хрипоты. Такова инструкция, и закрыли тему.

Над камерным оркестром всплыл тенор – 6-я кантата Мамерка. Под ликование певца доктор Туллий закончил возиться с воротником. Теперь голова Марка была неподвижна, удерживаемая на месте парой лент: шейной и лобной. Взгляд курсанта Тумидуса пылал укоризной, но доктор лишь подмигнул в ответ. Он прекрасно знал, как реагируют его соотечественники, в особенности – военные, на ограничение личной свободы. Собственно, эта реакция и была причиной того, что курсанты пять лет сидели на инъекциях, готовясь к службе.

– Первый укол неприятный. Потерпите.
– Вы, доктор, прямо как с ребенком...
Не договорив, Марк напрягся. Игла, выскользнув из левой манжеты, впрыснула в вену порцию вакцины, и Марк сразу почувствовал это. Слова Туллия оказались чистой правдой: чтобы вытерпеть боль, пришлось сцепить зубы. Офицерская, подумал Марк. Первая офицерская. Это не инъекция, это орлы в моих петлицах центуриона. Один или даже два орла, если повезет. Клювы и когти; терпи, парень, сказал бы дед. Терпи и улыбайся.

Улыбается, подумал доктор Туллий. Юноша с характером.

– Как вы себя чувствуете, курсант?
– Отлично, господин обер-манипулярий!

– Ну и ладушки...

В петлицах Сергея Туллия, придя на смену орлам, сверкали одинокие молнии. Сказать по правде, доктор был молод для чина обер-манипулярия. Но у медиков продвижение по служебной лестнице шло быстро. Конкурировать с ними в этом плане могли разве что пилоты-истребители. Шесть месяцев назад, собирая материал для диссертации, Туллий подал рапорт о переводе с Октуберана на Тренг, в училище либурнариев. Меняя теплое местечко в лаборатории вакцин и сывороточных препаратов на хлопотную должность врача-адаптора, Туллий знал, что делает. Новая «офицерская» вакцина, позволяющая сократить срок инъекций в полтора раза, была его детищем. Год-другой на краю Ойкумены? – пустяк, когда можешь пощупать результат руками.

– Вы меня слышите, курсант?

– Так точно...

– Как вы себя чувствуете?

– Все в порядке...

На лбу Марка, выдавливаясь из-под фиксирующей ленты, выступила испарина. Реакция нормальная, отметил Туллий. Он учел подергивание сомкнутых век и движение глазных яблок под ними. Аналогичным образом курсанты-первогодки реагировали на первую «солдатскую», также болезненную инъекцию.

– Вы что-то видите?

– Никак нет...

Любая армия – это подчинение, думал Туллий. Копья и плазматоры, мечи и лучевые ружья, штурм крепости и захват орбитальной станции – принцип не меняется. Приказ; выполнение приказа. Безусловное, безоговорочное подчинение нижестоящих вышестоящим. В сущности, облегченный аналог рабства – как его понимали испокон веков. Нам, помпилианцам, повезло – управление рабами у нас в крови. Нам, помпилианцам, не повезло – у нас в крови управление, но не подчинение. Тут на помощь приходит химия. Нет спасения, кроме химии, и я, Сергей Туллий, слуга ее.

Он тихонько засмеялся.

Туллий никогда не подвергался инъекциям, подобным той, какая сейчас бродила в венах курсанта Тумидуса. Даже во время боевых действий медслужба подчинялась командованию в обычном режиме – приказы озвучивались вербально или передавались по коммуникационным сетям. Но либурнариев – как все рода войск, ориентированные на прямой контакт с противником – готовили к иному подчинению: ослабленному рабству. Связь такого рода, когда командир чувствовал бойцов, как единый организм, не смущаясь расстоянием, и мог отдать приказ волевым посылом, была незаменимой в полевых условиях.

Фактически речь шла о частичном клеймении: от 3 % у офицеров до 10 % в максимуме у нижних чинов.

Вся сущность помпилианца протестовала против этой формы взаимоотношений. Доводы разума не служили вескими аргументами для физиологии, вышколенной веками эволюции. Едва командир пытался взять солдат под контроль своего клейма, он сталкивался с рефлекторным сопротивлением чужих клейм. Более того, у командира возникали дополнительные трудности. Его собственное клеймо не могло взять в толк, что значит частичное рабство. Клеймо честно пыталось довести дело до конца, превратив солдат в полных, абсолютных рабов, а командира – в их хозяина. Возникал конфликт, где победа любой из сторон означала поражение для вооруженных сил Помпилии.

– Повторяю вопрос, курсант: вы что-то видите?

– Да.

– Что именно?

– Равнина. Снег. Пять солдат.

- Кто они?
- Я.
- Все, как обычно?
- Да.
- Очень хорошо. Попробуйте расслабиться...

На первых двух курсах будущие либурнарии учились подчиняться. Инъекции подавляли протест личных клейм, позволяя старшим офицерам училища – опытным, подготовленным командирам – взять курсантов под контроль. Со временем нужда в инъекциях делалась меньше – психика адаптировалась, частичное рабство входило в привычку, не вызывая сопротивления. К четвертому курсу либурнарий переходил на следующую ступень. Теперь его учили командовать другими людьми, строго дозируя мощь клейма. «Офицерские» инъекции служили незаменимым подспорьем, стимулируя выработку особых гормонов.

- Что делают солдаты, курсант? Те, которые вы?
- Строятся...
- Опишите строй!
- Две шеренги по два человека, и один – впереди...

Норма, отметил Туллий. Первая «офицерская», провоцируя активизацию клейма, создавала у объекта вторичный эффект Вейса, иначе «срыв шелухи». Помпилианцы редко сталкивались с раздвоением реальности на ментальном уровне – только когда брали кого-то в рабство или отпускали на свободу. В такие моменты представитель помпилианской расы видел себя, как пятерку легионеров, а будущего раба – как пленника, которого клеймили раскаленным железом.

Сейчас, при отсутствии потенциального кандидата в рабы, рассудок курсанта Тумидуса «держал строй» – пускай строй был лишь плодом воображения. Если строй нарушался, и это происходило несколько раз подряд, курсант считался непригодным для несения воинской службы в качестве офицера.

- Я... Больно!

Марк дернулся. Доктор ясно услышал скрип зубов. Тело курсанта напряглось, на шее вспухли вены. Не открывая глаз, Марк попытался порвать манжеты – вряд ли осознавая, что делает.

- Держите строй, курсант!
- Я...
- Держите строй! Это приказ!
- Так точно...

Норма, еще раз отметил Туллий, глядя, как расслабляется тело курсанта. Такая вспышка была в порядке вещей. Двадцать минут назад Туллий имел удовольствие наблюдать ее у целого курса. Вот если бы вспышки не было... Доктор обождал еще с минуту – и, когда Марк окончательно успокоился, похлопал курсанта по щекам.

- Марк открыл глаза.
- Что вы помните, курсант?
- Я спал?
- Вам что-то снилось?
- Нет.
- Равнина? Снег? Солдаты?
- Никак нет.
- Отлично. Вас что-то раздражает?
- Кроме музыки, ничего.

Норма, в последний раз отметил Туллий. После первой «офицерской» их всегда раздражает музыка. Вокал – в особенности. Он вспомнил, как после инъекции курсант Катилина едва сдержался, чтобы не запустить уникомом в акустическую линзу, и тихо засмеялся.

II

– Третий – Первому. Вышли на исходную.

Пауза.

– К выполнению задачи готов!

Третий – курсант Сулла – из кожи вон лез, лишь бы отрапортовать раньше других. Сфокусировав взгляд на индикаторе связи, Марк дважды моргнул, переключив канал. С помощью вирт-сенсора сделать это было проще, но визуальное управление Марку давалось туго. Он дал себе зарок упражняться при всякой возможности.

– Второй – Первому. К выполнению задачи готов.

– Первый – Второму. Доложить подключение к местным средствам оповещения!

– Подключение обеспечено. Сообщение скомпилировано.

– Первый – Третьему. Доложить готовность транспорта!

– Транспорт – готовность один. Время прибытия на точку – четыре минуты тридцать секунд.

– Первый – Второму-Третьему. Общая минутная готовность! Повторяю: минутная готовность! Синхрон.

– Третий – есть синхрон.

Марк выругался про себя. Опять Сулла его опередил...

– Второй – есть синхрон.

– Минутная готовность! Отсчет пошел.

Рой персонал-индикаторов в «макушке» сферы откликнулся зеленым мерцанием. Бойцы приказ приняли и подтверждали готовность. А разнобой – обычное дело. Кто-то торопится, как Сулла, кто-то тормозит... Все как у людей. В ожидании сигнала Марк вывел панораму с камеры сопровождения. Его декурия, рассредоточившись, заняла позиции на северо-восточной окраине туземного городка. Камуфляж-«хамелеон» позволял бойцам слиться с местностью: Марк и сам не сумел бы их разглядеть, если б не контурные метки с личными номерами и контролками. За декурией, в зарослях серого от пыли бурьяна, под веерами разлапистых листьев-ладошек, притаились две грузовые антиграв-платформы. От досужих глаз платформы скрывала оптическая иллюзия.

Впереди располагались «оборонительные сооружения». Рассохшийся забор вокруг огорода с чахлой, темно-фиолетовой капустой, и дальше – полуобвалившаяся кирпичная стена, за которой начинался город. Дома и домишки с узкими окнами-бойницами громоздились друг на друга, словно в пароксизме свального греха. Террасами и уступами они лезли к небу, образуя целые конгломераты – безумные пирамиды за миг до обрушения. Плоские крыши нижних строений служили импровизированными двориками для верхних. Там сушилось цветастое белье, играли, вопя дурными голосами, грязные до изумления дети. Чинно восседали на табуретах старухи – все, как на подбор, жирные, усатые, в мешковатых платьях цвета мокрой земли, в смешных беретах с помпонами. По ущельям улиц, куда редко заглядывало солнце, муравьями сновали пешеходы. Чадя и громыхая, примитивные мобили с двигателями на бензине норовили задавить каждого, кто замешкался хоть на миг.

Ботва, подумал Марк. Ботва, и я – сборщик ее.

Ближе к центру города хаос приобретал слабые черты порядка. Улицы становились шире и с видимым усилием выпрямлялись, сходясь к центральной площади. Здесь высился монумент: нагромождение кубов венчали три бычьих рога, раскорякой устремленных в небеса.

Сигнал!

– Вторая декурия – начали!

Дублируя команду голосом, Марк привел в действие местную систему оповещения, к которой подключился загодя. Он чуть не свернул мозги набекрень, стараясь дистанционно перенастроить древнюю лампово-релейную аппаратуру. Спецкурс «Техника связи и оповещения переходных цивилизаций» нуждался в дополнительном закреплении практикой.

– Внимание! Общая тревога!

Громадины-репродукторы, похожие на мятые кастрюли из жести, скрежетали на чужом языке. Марк знал текст сообщения наизусть. Он сам его и сочинил, используя запись голоса здешнего диктора – «звезды» региональных новостей. После слов «Общая тревога!» Марк дал десять секунд сирены – мощной, с оглушительным подвывом.

– Говорит Главное управление по делам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций! Всем дееспособным гражданам немедленно собраться на площади Возрождения! Населению покинуть здания! Повторяю...

С первыми воплями динамиков бойцы Марковой декурии, действуя строго по инструкции, врубили инфразвуковые «паникёры». Сперва на минимум – и постепенно выводя мощность на расчетный уровень. Эффект не заставил себя ждать. Крыши-дворики опустели, улочки заполнил суматошный поток ботвы. Малышей несли в забавных, подвешенных на грудь рюкзачках; стариков вели под руки. Как знал Марк из вводной, в туземцах еще жила память о недавней, разрушительной войне. Бомбежки, оккупация; штурм при освобождении... А где память, там и привычка реагировать на тревогу, не размышляя. Марк дал бойцам время выждать, наблюдая за исходом местных – и наконец отдал приказ наступать. Зашевелившись, бойцы двинулись вперед. Остались позади развалины забора, вытоптаный огород, гряда кирпичей, когда-то бывших стеной... Декурия втянулась в лабиринты окраины: шестнадцать бойцов, по четыре в группе, четыре точки входа. Следом плыли антиграв-платформы, следуя программе, заложенной в автопилоты.

Все шло по плану. Разве что В-3 излишне торопился, норовя оторваться от группы, а В-11 то и дело отставал, проявляя дурацкое любопытство. Тарасился по сторонам, совал нос во все закоулки, какие попадались по дороге – турист на экскурсии, а не солдат на боевой операции!

Одернуть бы их через *корсет*, со злостью подумал Марк. Чтoб знали! После «офицерской» инъекции ему не терпелось опробовать координирующую сетку в деле. Он знал, что требуется время, что одной инъекции мало для появления навыка контроля над группой людей с помощью ослабленного клейма... Да, знал, и все равно – считал дни до первой пробы своего собственного корсета. К счастью для Марка, сейчас ему приходилось довольствоваться обычными голосовыми командами и целеуказателями. Иначе молодой курсант мог бы и пустить корсет в ход раньше времени, угодив под тяжелую руку начальства.

– В-3, не отрывайтесь от группы! Как поняли?

– Есть не отрываться. Жду.

– В-11, подтянитесь! Не отставать! Не отвлекаться!

– Есть не отвлекаться!

– Выполняйте поставленную задачу. Как поняли?

– Вас понял, командир. Я только...

– Отставить разговорчики!

– Есть отставить разговорчики...

– Второй-Третий! – ожил канал связи с центурионом. – Докладить о продвижении...

Марк ткнул в вирт-сенсор: теперь не до моргания, за этими оболтусами нужен глаз да глаз. Наскоро сверился с картой, вызвав ее поверх панорамы в командной сфере.

– Докладывает Второй. Продвижение ботвы в секторе – штатно. Декурия отстает от графика на полторы минуты.

Наконец удалось ответить первым. Но отставание, пусть и небольшое, раздражало.

– Второй, принято. Подтянитесь! Третий, что у вас?

– Продвижение ботвы – штатно. Декурия идет по графику.

– Так держать, Третий! До начала следующего этапа операции – тридцать семь минут.

Второй, соблюдайте график!

– Есть соблюдать график!

Переключив канал, Марк от души оттянулся на бойцах. Получив новый приказ, В-3 радостно урвал вперед, и группе пришлось его догонять. Все припустили рысцой, и даже В-11 бросил шастать по закоулкам. Отставание сокращалось. Минута, полминуты; ноль. График восстановлен, происшествий нет.

Марк выдохнул, расслабившись. Секундой позже началась стрельба.

III

– В-1, доложите обстановку!

– У нас огневой контакт! В-3 ранен, вышел из строя «паникёр». Разрешите открыть огонь на поражение!

Марк дал приближение с камеры, оценивая обстановку. Туземцы засели на перекрестке, прячась за углами домов; еще двое залегли на крышах первого яруса. Всего – около десятка. Четверо в полицейской форме, остальные – гражданские. Почему на них не подействовал инфразвук? Не важно! Два автомата, винтовка, у остальных – громоздкие многозарядные пистолеты. Если первая группа переведет «Универсалы» в режим непрерывного огня, ответный залп испепелит ополченцев в считанные секунды. Но Помпилии нужны рабы, а не трупы. Из этих вольных стрелков, раз они готовы сражаться за свою свободу, выйдут качественные, энергоемкие рабы. С другой стороны, нельзя допустить, чтобы вверенная Марку декурия несла потери...

– Огонь в паралич-режиме! Повторяю: в паралич-режиме! Занять оборону! К вам идет подкрепление. Как поняли?

– Вас понял, командир...

– Вызываю В-5. Вторая группа!

– В-5 на связи.

– Выдвигайтесь на соединение с первой группой! Задача: выйти во фланг противнику и подавить сопротивление. Огонь вести в паралич-режиме. Как поняли?

– Вас понял, командир.

– Даю маршрут и целеуказание.

– Принято. Выполняем.

Мерцающая, зеленая паутина протянулась от второй группы к месту боя. Первая группа тем временем укрылась в темной арке, ведущей в утробу жилого конгломерата. В-3 вкололи «живчик», рану на плече залепили регенерином. Марк взглянул в контрольку раненого: «Опасности для жизни нет. Мобильность – 87 %, боеспособность – 71 %.» Собственно, В-3 уже вовсю палил из «Универсала», наглядно демонстрируя свою боеспособность.

Трое ополченцев без движения лежали на брусчатке. Парализованных сочли убитыми, и уцелевшие туземцы стреляли с удвоенной яростью, горя желанием отомстить за товарищей. Улочка тряслась от грохота; из стен, затрудняя обзор, градом летела каменная крошка. Марковы бойцы огрызались трескучими разрядами, стараясь не высовываться. Плотность огня впечатляла, схлопотать пулю никому не хотелось. Марк переключился на другую камеру, следя за подкреплением. Продержимся, решил он. Третья и четвертая группы продвигались без происшествий – не сглазить бы! – и успели уйти далеко вперед.

Краем глаза он заметил движение в сквере, в двух кварталах от места боя – и, не раздумывая, дал приближение. К перекрестку, где звучали выстрелы, спешил толстый мужчина в грязно-белых, развевающихся одеждах. Бежал он резво: запыхался, но не слишком. К удивлению Марка, оружия у бегуна не было. Позади, на расстоянии ста метров, его сопровождали двое с кургузыми автоматами.

Парламентер?

На втором курсе Марку показывали документальный фильм. Похожий толстяк, тоже безоружный, в черной, подпоясанной веревкой рясе и с повязкой на лбу, расписанной варварскими символами, бежал босиком к пятерке либурнариев. Он истошно орал. Разобрать можно было только: «А-а-а-а!..» Рот, распыленный в крике. По-рачьи выпученные глаза. Клочковатая, крашеная хной борода. Пятки смешно шлепают по раскаленному булыжнику.

Псих. Городской сумасшедший.

Либурнарии так и решили. Стояли, зубоскалили, указывая на психа пальцами. Толстяк был уже рядом, когда декурион что-то заподозрил. Он вскинул «Универсал» – и толстяк, взревев еще громче, хотя это казалось невозможным, рванул веревку, служившую ему поясом.

На вспышке фильм оборвался. Камеру разнесло взрывом. Из либурнариев выжил один: врачи чудом собрали его буквально по кусочкам.

«Цирк!» – после фильма сказал курсант Катилина. И с вызовом покосился на Марка: обидится ли? Марк промолчал. Он знал, что такое настоящий цирк.

– Вторая группа! Приближается смертник со взрывчаткой. Приказ: уничтожить. Даю целеуказание. Держите дистанцию!

– Вас понял, командир.

– В-7 – импульсник в режим рассеивания. Стреляешь первым...

– Есть первым!

– «Универсалы» – на непрерывный огонь. Приготовиться!

Пыхтя и кашляя, толстяк вылетел на перекресток в тот момент, когда вторая группа, подобравшись с фланга, изготовилась для стрельбы. Под прикрытием ополченцев смертник имел все шансы добежать до первой группы. Если бы Марк опоздал дать панораму, прозевал «гостинец»...

Цирк, еще раз вспомнил он. Парад-алле.

Взвизгнул импульсник. В толстяка ударил таран-невидимка, швырнул в сторону, в боковую улицу. Следом полыхнул залп «Универсалов». На месте смертника вспух багрово-рыжий клубок взрыва. Ахнуло так, что даже у Марка заложило уши. Ближайшая стена обвалилась, витрина магазина брызнула градом осколков. Улицу заволокло серо-желтое облако, насквозь прошитое черными шнурами дыма.

– Паралич-режим! Огонь!

Дыма становилось все больше. Облако расползлось, закрывая обзор. Марк переключился в инфракрасный режим. Проступили контурные метки бойцов и пунцовые фигуры туземцев. Большинство последних лежало без движения. Трое отстреливались: вслепую, наугад. Бойцы тоже переключили шлемы в ИК-диапазон – и через минуту стрельба прекратилась.

– В-1, доложите обстановку и потери.

Марк прошелся сканером по окрестностям: чисто. Впрочем, это не значило, что засад больше не будет.

– Сопротивление подавлено. У нас трое легкораненых, считая В-3. Оказываем первую помощь.

Контрольки показывали: раненые могут передвигаться и сохраняют частичную боеспособность. Это хорошо. Главное – все живы.

– Потери ботвы?

– Двое убитых, один тяжелораненый.

Потери ботвы не должны были превышать 10 %. Но это в целом по операции. Марк надеялся, что итоговый «урожай» все окупит.

– Тяжелого добить.

– Есть добить!

– Я подгоню платформу. Грузите ботву и продолжайте движение к точке сбора. Второй группе по завершении погрузки вернуться на прежний маршрут!

– Есть вернуться на маршрут!

На брусчатке, прижав руки к животу, скорчился туземец в полицейской форме. Из-под пальцев сочилась кровь. Под раненым натекла лужа, над ней жужжали мухи. В лазарете на либурне туземца поставили бы на ноги за пару дней – и вперед, рабом в ходовой отсек. Но, скорее всего, он откинет копыта еще по пути на орбиту. Проще добить, чтоб не мучался, а главное – на случай, если чудом выживет. Помпилии ни к чему свидетели высадки либурнариев.

Луч «Универсала» прожег туземцу висок. Бойцы, торопясь, грузили парализованную ботву. Платформа ушла к десантному боту, откуда Марк командовал своей декурией. Группы вернулись на маршруты; к точке сбора бойцы успели вовремя. Две с половиной минуты – люфт в пределах нормы, учитывая боевое столкновение.

Даже Первый не стал за это пенять курсанту Тумидусу.

Площадь Возрождения устилали лежащие вповалку тела. Над ними высились бычьи рога монумента, тщетно пытаясь забодать небо. Тысячи четыре, на глазок прикинул Марк. Умная система высветила точную цифру: 4786. Минус отбраковка, как раз четыре тысячи и выйдет. Потери – три мертвеца – на этом фоне смотрелись смехотворно. Фальш-тревога и «паникёры» сработали в лучшем виде, а над площадью ботву уже ждали каскадные парализаторы «Каптус». Дюжина бойцов рассредоточилась по периметру, ведя наблюдение; остальные занимались отбраковкой, помечая негодную ботву маркерами, которые саморазрушатся через пару часов, и грузили «урожай» в транспорты.

Когда либурнарии уберутся прочь, не останется ни свидетелей, ни следов. Кто-то подал ложную тревогу, согнавшую народ на площадь. Там на туземцев нашло затмение. А когда дряхлые старики и калеки очнулись, оказалось, что их здоровые сограждане исчезли. Наверняка местная религия все объяснит. Праведников боги забрали живьем на небеса, грешников – в преисподнюю. С крупными городами, особенно – с миллионниками, такие штучки не проходят. На вокзалы прибывают поезда, в аэропортах садятся самолеты; с десятков внешних магистралей в город едут орды мобилей. Средства коммуникации; телевышки, радиостанции... Без свидетелей не обойдешься. Зато мелкие, депрессивные городишки в глуши, в дремучем захолустье, чуть ли не сами просят либурны Великой Помпилии: добро пожаловать! Вот мы, ботва, ждем вас...

В-11 снова замешкался. Марк вывел в контрольный сегмент изображение с нашлемной камеры В-11. Боец стоял над женщиной, прижавшей к груди трехлетнего ребенка. Безмятежность на лице спящего малыша; тревога на лице матери – женщина, наверное, о чем-то говорила с соседками, когда попала под парализующий луч.

– В-11! Выполнять задачу!

Детей до пяти лет клеймить без толку: их ресурс внутренней свободы заканчивается слишком быстро. Младенцы, старики, калеки, тяжелобольные – это все отбраковка. Помпилии нужны здоровые рабы, способные отдавать энергию годами. Проконтролировав выполнение приказа, Марк вновь переключился на панораму – и тут мир поблек, осыпался рассыпшейся штукатуркой...

– Курсант Тумидус!

– Я!

– Как вы оцениваете выполнение задания?

Любимое развлечение дисциплинар-легата Гракха: съешь себя сам. Нет, не развлечение – еще один тест.

Марк глянул на капсулу имитатора, откуда выбрался минуту назад.

– Курсант Тумидус с заданием справился удовлетворительно!

Голограмма начальника училища прошла по залу. Скорее всего, настоящий Гракх в своем кабинете и пальцем не пошевелил. Дисциплинар-легат встал у окна:

– Удовлетворительно? А должно быть отлично!

Ага, подумал Марк. Ты «отлично» и консуляр-трибуну Назону не поставишь.

– Проанализируйте свои ошибки, курсант Тумидус.

– Я был неосмотрителен, господин дисциплинар-легат! Нельзя было ограничиваться визуальным наблюдением. Следовало задействовать ИК-режим с начала операции и периодически сканировать маршруты групп. Тогда мои бойцы не попали бы в засаду, не были бы ранены, и продвижение декурии не замедлилось бы.

– Еще ошибки?

– Неравномерность движения групп. Она привела к отставанию от графика...

– Это мелочи! – прервал Марка начальник училища. – Не отнимайте у меня время зря!

Какова ваша главная ошибка?

Марк лихорадочно соображал. Главная? В чем он еще прокололся? Или Гракх проверяет: не запаникует ли курсант? Не станет ли придумывать себе мнимые провинности? В мозгу стучал метроном, отсчитывая секунды. Гракх ждал, его лицо становилось все более хмурым.

– Никак нет, господин дисциплинар-легат!

– Конкретизируйте, курсант Тумидус!

– Других ошибок в моих действиях я не обнаружил, господин дисциплинар-легат!

– Плохо. Очень плохо, курсант Тумидус.

Начальственная голограмма вновь прошла по залу, давая возможность Марку осознать собственное ничтожество.

– Разъясняю для умственно отсталых. Для тех, кто ловко бьет морду безобидному стилисту, но бездарен при осуществлении профильных наземных операций. Вступив в огневой контакт с противником, вы приказали своим бойцам вести огонь в паралич-режиме. Какова была ваша основная задача, курсант?

– Максимально вытеснить ботву из вверенного мне сектора!

– Куда вытеснить? В какие сроки?

– К точке сбора урожая согласно графику!

– Вот именно: согласно графику! – дисциплинар-легат воздел палец к потолку. – Своими действиями вы поставили под угрозу выполнение основной задачи! Каковы были приоритеты операции?

– Выполнение поставленной задачи. Сохранение личного состава.

– Продолжайте.

– Сохранение ботвы...

Марк замер: руки по швам, грудь колесом. Губы плотно сжаты, глаза неотрывно следят за начальством. На первом курсе Марку нравилось «косить» под дурковатого служаку. Позже – вошло в привычку. С некоторыми офицерами это помогало. С дисциплинар-легатом Гракхом – через раз.

– Совершенно верно, курсант Тумидус. Сохранение личного состава и выполнение поставленной задачи имеют более высокие приоритеты, чем сохранение ботвы. Вам следовало открывать огонь на поражение! Потери среди ботвы в данном случае были незначительны. Даже перестреляй вы всех, это не составило бы и 0,3 % от общего сбора! Вам ясно, курсант Тумидус?

– Так точно, господин дисциплинар-легат!

– Не слышу!

– Виноват! Больше не повторится!

– Надеюсь, курсант Тумидус. Почему во время операции сразу не было задействовано тотальное обездвиживание ботвы?

Это было в манере Гракха: огорошить неожиданным вопросом – и наблюдать за реакцией. К счастью, ответ был прекрасно известен Марку.

– Поиск и сбор ботвы, рассредоточенной по территории, требует дополнительных усилий и времени. Эффективность операции падает, растет риск, что наше присутствие будет обнаружено. Тактика превентивного тотального обездвиживания применяется только при наличии дополнительного подсобного ресурса по поиску и сбору ботвы, – Марк дословно цитировал «Тактико-специальную подготовку либурнария». – Подобную тактику, как правило, используют каперы – частные лица – действуя в качестве подсобного ресурса личных рабов...

– Достаточно, курсант Тумидус. Зачет. Свободны.

– Разрешите идти...

Спрашивать разрешения было уже не у кого: дисциплинар-легат растворился в воздухе. Щелкнула, открываясь, крышка третьей капсулы. Внутри зашевелился Гельвий Сулла – командир третьей виртуальной декурии. Две соседние капсулы пустовали. Командовавший учебной операцией курсант Катилина успел отчитаться первым.

* * *

«Хорошо, что он видит только мою голограмму, – Гракх закурил сигарету. – Парень должен думать, что я раздражен. Что я готов съесть его живьем! Особенно после инцидента со стилистом...»

Дисциплинар-легат был доволен. Нет, не учебной операцией, хотя ошибку курсанта Тумидуса начальник училища полагал не критичной. Более того, реши парень сжечь ополченцев к такой-то матери – Гракх велел бы доктору Туллию присмотреть за курсантом. Снизить дозу, или что там делают медики в таких случаях. После первой «офицерской» – и потом, в течение двух-трех месяцев, но в начале сильнее всего – курсанты превращались в бойцовых петушков. Склонность к излишнему насилию, конфликтность, решение проблем нахрапом...

Гракх улыбнулся.

Из парня выйдет славный офицер, подумал он. И реакция адекватная. Та женщина с ребенком на площади... Дисциплинар-легат лично вывел уровень эмоционального давления на критический, желая оценить устойчивость психики курсанта Тумидуса. И еще раньше, когда над раненым в живот туземцем роились мухи. Два косвенных фактора; две ловушки.

Этот зачет курсант сдал на отлично.

IV

– Что у меня в руке? – спросил обер-декурион Гораций.

– Лопата, – сострил курсант Катилина.

Как и все, Катилина был голым по пояс. В одних штанах, заправленных в ботинки с высокими голенищами, он стоял рядом с Марком – рослый, крепко сбитый, лоснящийся от пота после вечерней пробежки. Чувство юмора Катилины хорошо знал весь курс. Хуже того, его знали преподаватели, включая обер-декуриона Горация, смеявшегося два раза в год, на сдаче зачетов по рукопашному бою.

– Лопата, – задумчиво повторил обер-декурион.

Предмет в руке Горация был копьем. Ужасным, варварским копьем – гибкое древко высотой до подбородка взрослому мужчине венчал мощный наконечник в форме листа ивы. Длинной в полтора локтя, очень широкий в средней части, наконечник и впрямь напоминал своеобразную лопату. Сходство усиливалось тем, что острый конец копья в целях безопасности был затуплен, сведен на полукруг; режущая кромка также была тупой.

– Первый курс! – скомандовал Гораций. – Становись!

Первогодки вихрем слетели с турников и брусьев. Миг, и строй «желторотиков» встал напротив «матерых», как называли в училище четвертый курс. Кое-кто из юнцов ухмылялся, предвкушая потеху.

– Это не лопата, – разъяснил Гораций. – Это аз-загай.

Курсанты переглянулись: до более подробных объяснений обер-декурион не снизошел. Обычное дело – Гораций обожал притащить на занятие что-нибудь убийственное, чем древнее, тем лучше, и выставить «матерых» с голыми руками против вооруженных «желторотиков». Арсенал Горация был неисчерпаем. В прошлый раз он дал первому курсу цепи для обмолачивания зерна.

– Первый курс! Разобрать оружие!

Юные либурнарии кинулись к стойке с аз-загаями. Смеясь, испуская воинственные кличи, они схватили копья и вернулись в строй, заранее примеряясь к будущим противникам. Шепотом, дабы не злить Горация, озвучивались части тела, которые сейчас будут отрезаны, и внутренние органы, годные на продажу.

– Курсант Катилина!

– Я!

– Два шага вперед!

– Курсант Сцевола!

– Я! – рявкнул могучий первокурсник.

– Атакуйте курсанта Катилину!

Богатырь Сцевола ринулся вперед, как бык. Набегая на Катилину, он сделал резкий выпад. Ужасное жало аз-загая, казалось, взвизгнуло от огорчения, когда Катилина с грацией тореро развернулся боком, пропуская удар мимо себя. Левой рукой «матерый» прихватил древко, рядом с трубкой наконечника, правой же наотмашь, тыльной стороной ладони, хлестнул Сцеволу по лицу. Хлюпнув кровью из разбитого носа, богатырь отшатнулся, утратил равновесие и чуть не упал – за миг до контратаки Катилина всем весом наступил Сцеволе на ногу.

Аз-загай остался у Катилины.

– Примерно так, – кивнул обер-декурион. – Разбились по парам!

Марку достался мелкий, невероятно юркий «желторотик». Уворачиваться от его атак – проще было бы проскользнуть между капельками дождя. Вскоре стало легче: в действиях «желторотика» наметилась схема. Он колот в горло и, промахиваясь, рубил – вернее, старался резануть лезвием на прежнем уровне. Укол в грудь, в живот, и всякий раз после промаха делалась попытка режущего удара, не меняя уровня. Отследив это, Марк наловчился сближаться с первокурсником в самый последний момент. Стоило тому после неудачного выпада отвести аз-загай в сторону, как Марк хватался за древко обеими руками – и пинал мелкого, пользуясь разницей в росте, ногой в живот. С третьего пинка «желторотик» упал на колени, хрипя. Каблуки пришлось ему под дых.

– Клоун! – ухмыльнулся Катилина, дерущийся рядом.

И мотнул головой, уточняя: под клоуном он имеет в виду Марка.

– Ты еще кувырknись...

У этой насмешки за годы, проведенные Марком в училище, выросла длинная борода. В первый же день после зачисления, за пару минут до приветственной речи дисциплинар-легата Гракха, Катилина назвал Марка клоуном. И спросил: любит ли курсант Тумидус подсрачки?

Он, курсант Катилина, ребенком ходил в цирк и видел, что дед Марка любит. Значит, внук тоже должен любить. Марк проглотил обиду: началась речь. Дождавшись команды «Разойдись!», он предложил Катилине встретиться в укромном месте – и выяснить все о любви к подсрачникам.

В укромном месте драчунов ждал обер-декурион Гораций.

Позже, в лазарете, он навел курсантов Тумидуса и Катилину. Разъяснил, что драки между курсантами караются дисциплинарными взысканиями. Уточнил, что раз драка не состоялась, то и взыскания еще не было. Все действия обер-декуриона следует рассматривать, как превентивное отеческое вразумление. Ешьте яблоки, в них много железа.

Марк так и не понял, при чем тут яблоки.

– ...клоун!

Катилина был из тех, кто повторяет насмешку раз за разом, с упрямством педанта. От деда Марк знал: рассказав анекдот трижды, вымываешь из шутки всю соль. Дед Катилины был губернатором Дидоны, богатой области на побережье Лентийского моря. Когда Катилина-старший шутил, смеялись без вариантов. Даже если шутка навязла в зубах – скалились, растягивали рот до ушей, надрывали животики. Внук усвоил дедовы манеры, не вникая в подоплеку.

– А вот так?

Раздраженный Марковым безразличием, Катилина присел, крутнувшись на левой ноге. Ловкая подсечка сшибла мелкого первокурсника на землю. Марк тоже чуть не упал. Живчик, сбитый во время атаки, неуклюже сел на задницу, и Марк вместо древка аз-загая схватил воздух. Он и впрямь бы кувыркнулся, если бы не восстановил равновесие в последний момент.

Пострадал и Катилина. Садясь, «желторотик» судорожно взмахнул копьем – так прачка всплескивает руками, поскользнувшись на мокром полу – и широкий металлический наколочник плашмя ударил Катилину по лбу. Это действительно напомнило удар лопатой – пластмассовым совком на длинной ручке, каким играют дети в песочнице. Вряд ли удар причинил Катилине реальный вред; скорей, изумил и обидел. Схватившись за голову, под хохот будущих центурионов, разъярён до потери самоконтроля, курсант шагнул к мелкому – и тут в дело вмешался богатырь Сцевола. С уморительно серьезным выражением лица он сделал выпад. Затупленный конец аз-загая пришелся Катилине в левое подреберье, чуть ниже селезенки. Будь жало острым, губернатор Дидоны лишился бы внука. Рухнув на колени, Катилина хватал ртом воздух. Лицо его налилось дурной кровью, из глотки неся удушливый хрип. Багровое пятно на лбу расплзлось, обещая к завтрашнему утру превратиться в роскошный синяк.

– Кувыркнись, – посоветовал Марк. – Будет легче.

– Курсант Тумидус!

– Я!

– Отставить разговоры! Продолжайте занятие...

Обер-декурион Гораций встал над страдающим Катилиной. Гибким стеклом приподнял курсанту гладко выбритый подбородок, обратив несчастного лицом к себе. Кивнул в ответ каким-то своим мыслям и убрал стек.

– Это правильно, – сказал обер-декурион. Он пожевал губами, словно хотел сплюнуть, и разъяснил: – Сам погибай, а товарища выручай. Курсант Катилина!

– Ы-ы...

– Не слышу!

– Я...

– Надеюсь, вы ставили себе целью помочь сокурснику? Вы видели, что курсанту Тумидусу приходится туго, и решили прийти на помощь товарищу. Я верно понял?

– Д-да...

– Похвально. В следующий раз, когда вам захочется подставить товарищу плечо, постарайтесь остаться невредимым. Взаимовыручка – дело хорошее. Но она не должна выглядеть, как размен одного либурнария на другого. Продолжайте занятие!

- Есть продолжать!
- Курсант Тумидус!
- Я!

– Ваш прием против аз-загая меня заинтересовал. Представим, что это аз-загай, – Гораций взмахнул стеклом. – Защищайтесь!

От выпада Марк ушел без труда. Схватившись двумя руками за стек, он пнул ногой в живот обер-декуриона. Стекло было короче аз-загая, пинать с такого расстояния было не слишком удобно. Впрочем, как ни странно, Марк попал. Живот Горация – твердый, будто каменная стена – вошел в соприкосновение с подошвой ботинка. В колене отдалось болью и легким хрустом.

- Допустим, – кивнул обер-декурион.
- В его устах это было высшей похвалой.
- Еще раз!

Выпад, уход, захват. Пинок. Марк взвыл – предыдущая боль в колене оказалась легким развлечением. Сукин сын Гораций подался вперед, встречая пинок, и нога Марка угодила в брюхо обер-декуриона под самым неудачным углом.

- Ног, курсант Тумидус, надо держать так...

Обер-декурион изобразил пинок – и держал «шлагбаум» до тех пор, пока курсант Тумидус, крича и охая, не повторил урок с воображаемым противником.

– Закрепите, – велел Гораций. – В конце концов, не всегда вас будет спасать курсант Катилина...

Волчата, думал обер-декурион, закуривая.

Гораций, не стесняясь, курил во время занятий. После Хордадской битвы, когда три эскадры помпилианцев сгорели, как спички, в огне вехденского лидера-антиса, Горацию заменили легкие. С тех пор он нуждался в стимуляторах, каждые два часа обрабатывая дымом ткани искусственно выращенных легких. Это мешало ему спать ночью, но обер-декурион привык.

«Волчата. Им хочется пробовать клыки и когти. Сейчас – друг на друга. Позже их выпустят на охоту. Эти инъекции... На первом курсе клейма волчат учатся подчиняться. Нужна компенсация; надо поднимать парням самооценку. Например, давать в руки оружие. С оружием против безоружного, даже получая по морде, они чувствуют себя героями. С четвертого курса им надо сбивать спесь. Химия в венах учит клейма командовать, приспособливает к *корсету*. Значит, чистый рукопашный бой. Безоружный против вооруженного – даже давая по морде, они чувствуют себя уязвимыми. Ущербными, вторыми в очереди. Армейские психологи засмеяли бы меня за такие теории...»

Чихать хотел обер-декурион Гораций на армейских психологов.

V

- Берите оливки, доктор.
- Благодарю.
- Октоберанские. Из нашего родового поместья...

Оливку доктор Туллий взял из вежливости. Закусывать ягодный бальзам с Сечения не было ни малейшего желания. Бокал, наполненный до середины, источал аромат свежей малины и смородины, хотя в составе присутствовала добрая дюжина различных ягод. После третьего глоточка Туллий различал на вкус половину из них. Цвет насыщенный, темно-рубиновый. И ни капли химии! Все-таки, решил доктор, в напитках с варварских планет есть особенная пре-

лесть. Цивилизация уводит нас от истинного пиршества плоти. Хочешь вкусно пить-есть? – родись в глуши.

– Вы не стесняйтесь...

Оливка и впрямь пришлась кстати. После нее бальзам раскрылся полным букетом. Брусничная кислинка; вяжущая, сладковатая терпкость прихваченного морозцем терна...

– Замечательно! – Сергей Кезон Туллий был искренен.

Он взял еще одну оливку.

– Рад, что вы оценили.

– Любой на моем месте...

– Не скажите, доктор. Многие считают бальзам «Девятое небо» женским.

– Многие с юности выжигают себе вкусовые пупырышки дешевым ромом. Многие пьют коллекционный бренди стаканами, залпом. Под наслаждением они понимают опьянение. Способна ли толпа оценить богатство оттенков? Разумеется, нет.

– Да вы, доктор, просто враг демократии...

Пройдясь по палатке, дисциплинар-легат Гракх остановился у «бойницы». Заложил руки за спину, любуясь пейзажем. Небо Тренга уже налилось вязкой смолой ночи в тропиках. В черноте тонули – и все никак не могли утонуть слюдяные блески звезд: непривычно крупных, угловатых. Звезды подмигивали друг другу, меняя окраску: голубая вода, желтая, красная... Особенности «слоистой» атмосферы Тренга; плюс дополнительная рефракция – ее давал купол силового барьера, накрывший территорию училища. Вдалеке, по периметру, мерцали столбики эмиттеров. Синеватые, дрожащие и в жару, и в холод призраки охраняли вверенный им участок.

– Как вам служба, доктор?

– Служба?

– Наверное, мало общего с вашей работой в лаборатории?

Гракх любил огорошивать внезапными вопросами не только курсантов. Впрочем, доктор был благодарен начальнику училища: Гракх сам перевел разговор в интересующее Туллия русло.

– Непривычно, вы правы. Интересно.

– Продолжайте. Я же вижу, вы не закончили. Что еще?

– И странно.

– В чем заключается странность?

Гракх отвернулся от «бойницы». Он был весь внимание.

– Распорядок, – доктор поставил бокал на стол. – Дисциплина.

– Ну, это обычное дело. Флот стоит на дисциплине.

– Только ли флот?

– Вся армия, если угодно.

– Мне казалось, что в армии она должна быть... – Туллий щелкнул пальцами, подыскивая нужное слово. – Более жесткой, что ли? А тут каждый день – свободное время...

– Личное, – поправил дисциплинар-легат.

– Хорошо, пусть личное. Сути это не меняет. Релакс-центр. Регулярные увольнения; чаще, чем я предполагал. Курсанты носят «фенечки», как выражается молодежь. У каждого – какие-то талисманы, память о доме. Я представлял себе флот иначе. Тем более училище, где готовят боевых офицеров, а не тыловиков-интендантов! Поймите меня правильно, я ни в коем случае не критикую здешние порядки...

– Подводим итог, доктор. Вы удивлены.

– Я удивлен, и сильно.

– Что ж, придется разъяснить, – Гракх хитро прищурился. – Хотя вы могли бы и сами догадаться, при вашей-то специальности...

Под взглядом начальника училища доктор Туллий ощутил укол уязвленного самолюбия. Он понятия не имел, что имеет в виду дисциплинар-легат. При чем тут его специальность?

– Вы ведь не просто врач. Вы – биохимик, военный вакцинолог. Значит, не хуже меня знаете, что такое подавление естественного сопротивления клейма и адаптация его к нуждам армии и флота.

Туллий не сдержался – фыркнул, едва не брызнув слюной в бальзам. И это Гракх говорит ему, чья диссертация... В следующий миг доктора обжег стыд. Дисциплинар-легат знал, что делает, начав с фразы: «Вы могли бы сами догадаться». А Гракх продолжал, словно не заметив конфуза доктора:

– Мы, помпилианцы, рождены для подчинения других. Мы – хищники, которым удалось создать социум. Солдаты и офицеры Помпилии – волки. Да, мы охотимся стаей, и наша охота успешна. Но нас так и подмывает скалить зубы и рычать на вожака. Каждый день, каждую минуту. В армии это недопустимо. Доктор, ваша химия – чудо. Она превращает стаю в безукоризненный, единый организм. Тем не менее, для успешной адаптации курсанты нуждаются в отдушине. Ряд вольностей, послабления вне занятий, видимость личной свободы...

Доктор кивнул:

– Психологическая компенсация на уровне подсознания.

– В особенности это актуально для будущих боевых офицеров, которым предстоит не только подчиняться, но и командовать другими. Снятие комплексов, противоречий между природой и дисциплиной... Отсюда и личное время, и талисманы с фенечками, и увольнения...

– Кстати, об увольнениях.

– Да?

Теперь, подумал доктор, надо быть осторожным. Главное, не сболтнуть лишнего. Во рту пересохло. Туллий потянулся к бокалу, отхлебнул, не чувствуя вкуса. Бдительный дисциплинар-легат в три шага оказался рядом. Широкая ладонь легла на бутылку с печатью, оттиснутой в стекле, ниже горлышка; жидкий рубин хлынул в бокал, наполняя его вновь.

– Благодарю.

– Не за что. Как вы говорили, доктор? Коллекционный бренди стаканами, залпом? Полно, не краснейте! У меня дурная привычка острить за чужой счет...

Гракх активировал голосферу своего уникома, порылся в ней – и в дальнем углу палатки мигнул огоньками индикаторов мультимедийный центр. Печальный голос трио-скрипки поплыл по палатке: «Звездный ноктюрн» Альберто Соретти.

– Вы любите классику? – изумился доктор.

– Нет. Но я вижу: вы нервничаете. Соретти подойдет?

– Более чем! Вы угадали на редкость точно...

– Так что насчет увольнений?

– Понимаете...

Туллий отпил из бокала. Тянуть дольше было уже неприлично. Ирония ситуации: доктор ставил классическую музыку курсантам, чтобы задать нужный эмоциональный тон. Сейчас Гракх проделал с ним то же самое.

– Вчера четвертый курс получил первую «офицерскую» инъекцию. Завтра они пойдут в увольнение...

– Да. И что с того?

– Вы в курсе, какие побочные эффекты вызывает «офицерская» инъекция? Особенно на первых порах?

– Повышенная агрессия. Склонность к насилию. Гипертрофированное чувство собственного достоинства.

– Вы понимаете, что это может привести к нежелательным эксцессам?

Дисциплинар-легат улыбнулся. Глядя на его улыбку, Туллий с трудом подавил желание вскочить и вытянуться по стойке «смирно».

– Сразу видно, доктор, что вы у нас недавно. Эксцессы – обычное дело, это в порядке вещей. Ну, подерутся парни с местными старателями или еще какой швалью. Если не будет официальных жалоб, я даже взысканий накладывать не стану. «Что у вас с лицом, курсант?» «Упал с лестницы, господин дисциплинар-легат!» «Впредь смотрите под ноги, курсант.» «Есть смотреть под ноги, господин дисциплинар-легат!» И так из года в год. Скоро вы привыкнете, доктор.

– Дело может не ограничиться синяками!

– Может, – Гракх пожал плечами. – Сломанная рука, челюсть, пара ребер. Сотрясение мозга. Пара дней в регенераторе, и бегом в строй. Если придет иск от гражданских, возместим ущерб за счет виновного и наложим взыскание. Посидит «на губе» – в следующий раз будет умнее. Обер-декурион Гораций не зря учит курсантов рукопашному бою. Оглушать, а не убивать. Обездвиживать, а не калечить. Пусть практикуются. В общем, не вижу проблем.

– А я, извините, вижу!

Туллий осекся. Гракх умен. Стоит перегнуть палку – и начальник училища вцепится в него, клещами вытащит правду. И немедленно примет меры. Перестраخуется. Чистота эксперимента будет нарушена...

– Что вы предлагаете?

– Отложить увольнение. Я бы хотел еще неделю понаблюдать за четвертым курсом. Если все будет в порядке, пусть летят расслабляться.

– Не вижу причин ломать график подготовки.

Гракх отвернулся. В палатке повисла гнетущая пауза. Лишь трио-скрипка плыла сквозь ночь, возносясь к черным небесам. Не мудрствуя лукаво, Гракх поставил ноктюрн на «повтор».

Может, сказал доктор себе, я зря нервничаю? Пусть все идет, как идет. Эксперимент в условиях стандартного режима – не этого ли ты хотел, Сергей Кезон Туллий? Чего же ты паникуешь? С согласия начальства испытания твоей новой вакцины были засекречены. Ты сам на этом настаивал, и добился своего. Дисциплинар-легат не знает, что вакцина – экспериментальная. Никто в училище не знает, кроме тебя.

Пей бальзам и помалкивай.

Но разве отсрочка одного-единственного увольнения нарушит чистоту эксперимента? Зато ты, нервный доктор Туллий, будешь спокоен. Да, вакцина с блеском прошла первичные испытания на добровольцах. Срок адаптации испытуемых сократился в полтора раза. Эффективность «офицерского клейма» осталась на прежнем уровне, точность регулировки увеличилась на 14 %. Первичное повышение уровня агрессии – в пределах нормы, существенных побочных эффектов не выявлено.

К «несущественным» относилось частичное изменение мотиваций конфликтов. Доктор часами беседовал с испытуемыми, разбираясь в нюансах. В контрольной группе, получавшей стандартные инъекции, среди мотивов рукоприкладства преобладали «комплекс лидера», конкуренция из-за женщины и личная обида. «Этот ублюдок посмел назвать меня...» В экспериментальной группе эти мотивы никуда не делись. Но наряду с ними проявились другие, более тонкие; можно сказать, архаичные. Не просто обида, но задетая честь. Личная, семейная, честь женщины – и даже честь Помпилии! Убежденность в собственном превосходстве; боязнь прослыть трусом...

Несло ли изменение мотиваций какую-либо опасность? Туллий не знал. Доктор понимал: заявись он со своими сомнениями к руководству лаборатории – его бы через пять минут выперли вшаей. Испытания прошли успешно? Ну и чудненько! А мотивации твои, доктор Туллий – обман зрения и смущение умов! Какая разница, расквасил испытуемый F господину N нос, ощутив в поведении господина N ущерб своей чести – или просто рожа господина N

ему не понравилась? Может, эта рожа оскорбляла чувство прекрасного испытуемого F! Испытуемые стали чаще бить морды? Нет. Испытуемые стали бить морды с особым цинизмом? Нет. Запускаем полевые испытания новой вакцины! Тем более, что вы сами на этом настаивали, доктор Туллий...

– Вы правы, Гракх. Я новичок в училище, и потому волнуюсь. Не хочу, чтобы парни влипли в историю.

– Влипнут, и непременно! – махнул рукой начальник училища. – Иначе как они переберутся? А потом все войдет в норму. Не тратьте нервы зря, господин обер-манипулярий медицинской службы! Да, инъекции толкают курсантов на подвиги. Но герой, как вам известно, должен быть один. Что сделает наш герой в увольнении? Распушит хвост, схватится с местным силачом, утомит девку, доказывая свой могучий ресурс. Еще не было случая, чтобы декурия курсантов сцепилась с компанией горняков, устроив натуральное смертоубийство. Остальное – пустяки. Как говорят штатские, издержки производства.

Доктор вздохнул:

– Искренне надеюсь, что так и будет.

Он возвращался к себе через освещенный плац. Каждая шероховатость, каждая щербинка под ногами отбрасывала миниатюрную угольно-черную тень. Мерцали звезды, тусклыми гнилушками светились столбики эмиттеров силового поля. И лился из палатки Гракха, следуя за доктором по пятам, «Звездный ноктюрн» Соретти, скорбный и величественный.

Дисциплинар-легат прав. Все пройдет штатно. Ну, подерутся курсанты «с какой-нибудь швалью» – так они каждый год дерутся. Это нормально.

Нормально.

Заснул доктор только под утро.

КОНТРАПУНКТ МАРК КАЙ ТУМИДУС ПО ПРОЗВИЩУ КНУТ (шестнадцать лет тому назад)

Мы любим благородных разбойников. Неблагородных – тоже, если у них хороший вкус и чувство юмора. Мы ценим элегантных аферистов, рукоплещем ловким ворах, восхищаемся мошенниками, блестящими, как новенькая монета. Авантюрист в кружевном жабо? – ты наш кумир!

Мы сочувствуем киллерам, попавшим в трудную ситуацию. Если киллера хотят убить бывшие заказчики, а его дома (в отеле; на берегу моря; в бомбоубежище) ждет верная жена – сочувствию нашему нет предела. Если киллер плачет украдкой, плачем и мы.

Мы интересуемся войнами. Залп, штурм, артподготовка.

Когда дерутся, мы забываем обо всем. Крюк справа, ногой в челюсть, бросок через бедро. Тот, кого бьют, непременно воспрянет. И отомстит, чего уж там. Захват, болевой, удушающий. Титры на фоне заката.

Таково наше искусство, духовная пища обывателя.

Тех, кто боится темных подворотен. Кто двумя руками держится за кошелек. Трясется от ужаса в кабинете дантиста. Страдает поносом при звуках тревожной сирены. Скорее сломает себе шейку бедра, чем бросит через бедро пятилетнего ребенка. Разучился принимать решения, не способен на поступки.

Титры на фоне заката нам заменяют две даты на надгробии. Думаете, между этими датами – жизнь? Не смешите меня. Это ведь я – клоун, а не вы.

(из воспоминаний Луция Тита Тумидуса, артиста цирка)

– Деда, а деда!

– Что, парень?

– А что девочка делает?

Дед смеется. Он очень хорошо смеется. Подвижное лицо его делается мягким-мягким. Тысяча морщинок, две тысячи складочек. И все радуются. В углах рта, растянутого до ушей, пляшут веселые смешинки. Танцуют на кончике носа. «Гусиными лапками» разбегаются от краешков глаз. Марк любит, когда дед смеется. Любит, когда дед называет его парнем. Обо-жает, когда дед повторяет вечное Марково «деда, а деда!» так, словно это волшебное заклина-ние. Деда-а-деда-а-деда...

Но сейчас Марк злится, потому что дед не отвечает на вопрос.

– Деда, ну деда же! Что девочка делает?

– Работает.

– Работает?

Пятилетний Марк изумлен. Он смотрит на девочку и ничего не понимает. А девочка совсем-совсем не смотрит на Марка. Она старше на четыре года. У нее рыжие косички с бан-тиками. И веснушки на щеках и переносице. А еще у девочки две высоченные лестницы. Она держит их руками. Если девочка отпустит лестницы, они упадут.

Девочка ловко карабкается по лестницам вверх. Марк не знал, что так бывает. Теперь он знает, но не верит.

Тут какой-то подвох.

– Ты обманщик, деда! Разве это работа?

Работает папа. Он встает рано-рано, умывается, завтракает и уходит на свою станцию. Надолго, до позднего вечера. Работает мама. К ней в кабинет приходят тётки с большими живо-тиками. У тётки в животиках сидят мальчики и девочки. Мама следит, чтобы никто не выпрыг-нул раньше срока. Мама строгая, у нее не попрыгаешь. Работает воспитательница в детском саду. У нее много-много работы, потому что Марк балуется, и не только Марк. Работает води-тель аэротакси, повар в столовой; генерал Ойкумена спасает Галактику – это вообще самая главная работа...

А девочка лазит по лестницам. Залезет, спрыгнет, улыбнется. Вверх, прыжок, улыбка. Ну, еще поклон. Тоже мне работа!

– Деда, ты шутишь?

– Нет, парень.

– А как называется эта работа?

– Эквилибр на свободно стоящих лестницах.

– Квилибр? Бр-р-р!

Девочка прилетела вчера, с родителями. А Марк – позавчера. Он вел себя хорошо и заслужил неделю у деда. Ферму дед купил недавно и еще не обжился здесь. «Конец карьеры» – так зовёт дед ферму. «Старость» – зовёт он ее. «Чулан клоуна», «Тихий уголок», «Богадельня» – у фермы сто названий, большей частью непонятных Марку. А еще тут есть река, а в реке – бегемоты, и дед водит Марка смотреть на них.

Девочка тоже любит бегемотов, решает Марк. Она закончит квилибр, и я отведу ее к реке. Бегемот разинет пасть, девочка испугается, а я – ни капельки. Он вспоминает, что одного его – даже вместе с девочкой – никто к реке не отпустит, и огорчается до слез.

– Марина сломала руку, – ладонь деда ложится Марку на плечо. – Двойной перелом: в локте и запястье. Руку срастили, но она еще болит. Видишь? Когда Марина хватается правой рукой за перекладину, ей больно.

– Не вижу, – отвечает честный Марк.

– А ты приглядишься.

Марк приглядывается. Трёт глаза.

– Все ты врешь, деда. И ничего ей не больно. Вот, она улыбается...

– Ага, – карлик Пак, бывший акробат, вспрыгивает на перила веранды. – Сто раз ага, лопни мои уши! У тебя острый глаз, малыш. Маринка улыбается!

Дед беззвучно смеется, сжав пальцы на Марковом плече.

– Ей больно, – вслух думает Марк. – Она улыбается.

– Вперед! – ободряет Пак. – Шевели мозгами!

– Когда мне больно, я плачу. Или злюсь.

– Ну! Еще шажок...

– Она улыбается. Потому что больно. Нет, не поэтому.

Марк размышляет. Впервые в жизни. Это мучительно – размышлять, искать решение. Ему вспоминается драка с врединой Помпеем. Помпей обижал девочку – не эту, с лестницами, а другую, из детского садика. Марк дал Помпею по шее, а Помпей – вот ведь дурак! – дал по шее Марку. Они катались по полу, пытая и стараясь оказаться сверху, а потом была равнина, укрытая снегом, костер, где калилось железо, а они все дрались, пятеро против пятерых, в доспехах, с оружием в руках, не в силах выяснить, чья победа, кто кого заклеимит, но равнина быстро исчезла в снежной круговерти, и пришла воспитательница Цецилия. Она разбранила драчунов, даже дала по попе, что делала редко. Клеймить друг друга нельзя, сказала воспитательница. Драться на клеймах нельзя. И сейчас нельзя, когда ваши клейма еще слабенькие, и потом нельзя, когда они станут сильными, а вы, забияки – взрослыми. Помпилианцы не клеймят помпилианцев. Марку показалось, что воспитательница Цецилия чего-то не договаривает, но он побоялся спросить. Нельзя, кивнул он. И вытер злые слезы. А врединая Помпей стоял и ухмылялся. Он и позже ухмылялся, когда родителей вызвали в детский садик. А девочка, которую обижал Помпей, сказала, что Марк – балбес. Что Помпей ее вовсе не обижал. И вообще ей Помпей нравится больше Марка. Она будет дружить с Помпеем, а с Марком не будет...

– Почему она улыбается, деда?

Дедовы пальцы сжимаются сильнее. Не пальцы – клещи. Марку больно. Я не буду плакать, думает он. Я не стану злиться. Я улыбнусь. Почему? Потому что дед, и Пак, и девочка, и мама девочки – вон она, у конюшни. Врединая Помпей тоже ухмылялся, хотя у него был разбит нос. Слушал выговор воспитательницы Цецилии и ухмылялся...

– Она улыбается, потому что на нее смотрят!

– Ура! – завопил Пак.

И сделал стойку на руках.

У карлика было чудесное настроение. Вчера, в пивном клубе, какой-то долговязый красавчик – явно приезжий – обозвал Пака лягушкой. И прибавил, что честная девушка удавится, а не ляжет под такую образину. Рядом с долговязым стояла честная девушка – из местных – и хихикала. На днях они с Паком весело провели время. Пак тоже захихикал, ухватил дылду за мотню и с презрением фыркнул. Дылда ударил с левой, потом с правой. Это была его ошибка. Пак здорово повеселился. Мало кто знает, сколько радости можно получить от неуклюжего дылды, двух кружек пива, полных до краев, одной метлы из ореховых прутьев и фартука честной девушки, одолженного на пять минут.

Пак знал.

Вернувшись на ферму, он рассказал о потехе деду Марка, а позже – самому Марку, из приличия опустив ряд деталей. Для этого карлик разбудил Марка глухой ночью, что строжайше воспрещалось. Они сидели на балконе третьего этажа, Марк – на табурете, Пак, по обыкновению, на перилах, и зажимали себе рты ладонями, чтобы хохотом не разбудить весь дом.

Все равно разбудили, чего там.

* * *

- Улыбайся! – часто с тех пор повторял дед.
Это звучало как приказ.
- Скаль зубы, волчонок! Врагов это бесит...
- И дед закуривал трубочку.
- А друзей? – рискнул однажды спросить Марк. – Друзей, дедушка?
- Друзей? – дед размышлял в облаке дыма. – Друзей радует.
- Тогда почему ты не говоришь мне об этом?
- О чем?
- О друзьях. О том, что моя улыбка их радует. Все о врагах и врагах...
- Дед хлопал внука по плечу:
- О друзьях, парень, ты должен все узнать сам. Тут я тебе не подмога...

Глава третья

Дуэль, или В вопросах чести нет компромиссов

I

- Спасибо, добрый барин!
- Бармен, – поправил Родни.
- Трижды спасибо, добрый бармен! Ты не забыл сюда плюнуть?
- Плюнуть?!

У Родни от изумления отвалилась челюсть. Набывчившись, он уставился на болтливое недоразумение, сморщенное как сушеная фига. Перед Родни на стойке внаглую разлегся карлик-вудун. Формально карлик восседал на высоченном табурете, чья ножка была вывинчена вверх до упора. При этом большая часть карлика оккупировала стойку, а длиннющая, похожая на обезьянью лапу, рука свесилась на другую сторону, в опасной близости от Родни, а главное – от батареи разномастных бутылок.

За шаловливой лапкой требовался глаз да глаз.

– Скверно жить без дырки в заднице, – философски заметил карлик, поправляя темные очки. – Еще хуже иметь дырку в голове. О, добрый бармен, неужели ты забыл, как делается «Чики-Чака»?

С проворством лисы карлик сунул нос в бокал, где бурлила зловещая серо-багровая смесь, и шумно вдохнул, раздувая ноздри. Родни готов был поклясться, что часть коктейля проходимец всосал носом.

– Мне жаль тебя, добрый бармен! В твоей голове живут осы бже-дже! Их личинки выжрали твои мозги... Да будет тебе известно, что в «Чики-Чаку» идет вытяжка из коры дерева лимбали, черный ром «Барон Суббота», щепоть сушеного лотоса, настойка на печени гиены мбола-мбола, не знавшей самца...

– Ром и лотос там есть! – возмутился Родни.

Карлик отмахнулся от его жалких оправданий:

– ...бренди из бузины и сок манго. И еще туда надо плюнуть! Смачный плевок – вот залог вкуса «Чики-Чаки»!

– Ну, – сдался Родни, – если вы так настаиваете...

– Настаивать надо печень гиены! На водке. А раз печени нет, плевать уже бесполезно, – в пронзительном голосе карлика звучала вселенская скорбь. – Пей это сам, добрый бармен. А мне дай рому. Черного рому, чтобы залить тоску Папы Лусэро. Никто в Ойкумене не умеет готовить «Чики-Чаку»! Даже ты, друг мой... Что ты съешь мне стакан! Бутылку давай!

Ухватив за горлышко литровую бутылку «Барона Субботы», карлик слизнем – казалось, он утратил все кости – сполз с табурета. Марк готов был биться об заклад, что вудун растечется по полу. Судя по всему, карлик успел набраться под завязку. Но, против ожидания, знаток экзотических коктейлей встал на ноги и потопал к своему столику «противоторпедным зигзагом». Налетая на чужие столы и стулья, карлик ругался:

– Чего расселся на дороге? А ну, убирайся!

«Да он слепой! – дошло до Марка. – Вот Родни и терпит его выходки. Рука на калеку не поднимается. А он, скотина, пользуется...»

В жизни Марка Кая Тумидуса уже был карлик – душа скандалов, фитиль потасовок, весельчак и хулиган. Но если акробат Пак, друг деда, был гориллой, способной пересчитать зубы толпе забияк, возомнивших о себе, то слепец, тощий и вертлявый, напоминал наглую макаку.

«Прибьют ведь дурака...»

Добравшись до места назначения, карлик выдернул зубами корковую пробку и нахлюпал себе рому. Минутой позже к дебоширу присоединилась пара девиц в боевой раскраске. Птица и змея – ядовито-розовый плащ первой, сшитый из синтетических перьев, чудесно гармонировал с шелестящей «чешуей» подруги. Птица щебетала без умолку; змея была глухонемой, объясняясь на языке жестов. Как для Марка, змея вполне могла скрасить увольнение будущему офицеру. Но тот факт, что она польстилась на пьяницу-калеку, ронял девицу в глазах курсанта ниже плинтуса.

Что такое «плинтус», Марк не знал. Так говорил дед, когда имел в виду: дальше падать некуда.

Пригубив пиво, он окинул взглядом бар в поисках любви. Снять шлюху проблемы не составляло. Курсанты так и делали, гоня прочь сомнения: плати, солдатик, и не парься. Когда приходил денежный перевод от матери или деда, Марк проводил ночь с двумя куколками, за разумную плату готовыми вознести клиента в рай. Сейчас же ему хотелось большего. Трех куколок? – нет. Душа искала взаимной симпатии, а не секса за деньги. Деньги – ерунда, речь о другом...

Он и сам не знал, что на него нашло.

Через два столика, в уютной нише, выполненной в виде пасти пещерного льва, сидела молодая вудуни. Девушка разглядывала на просвет бокал, где пенилось игристое золото. В бокале вспыхивали искорки – драгоценная пыль в луче солнца. Блики играли на бархате шоколадной кожи. Казалось, лицо девушки излучает мягкий свет. Поймав восхищенный взгляд Марка, вудуни улыбнулась уголком рта: «Нравлюсь?» «Еще как!» – едва не выпалил Марк на весь бар. Щекам сделалось горячо. Марк покраснел – он с детства легко краснел – и выругал себя за дурацкое смущение. Эй, парень! Опомнись! Сейчас она подойдет и мурлыкнет тебе, балбесу, на ухо:

«Сто экую за ночь, красавчик!»

Вудуни осталась на месте. Она лишь тронула губами край бокала, словно поцеловала, и отвернулась. Нет, не шлюха, уверился Марк. Та бы уже спешила к клиенту – рвать созревший плод. Чего ты ждешь, бестолочь? Сделай комплимент, завяжи разговор. На абордаж! Он уже начал вставать, подыскивая нужные слова, как вдруг...

– Спаситель! Я нашел тебя!

В баре сделалось шумно и тесно. Тишиной и недостатком посетителей заведение Родни не страдало и раньше, но все познается в сравнении. В двери – оп-ди-ду-да! – вломился пестрый балаган во главе с элит-визажистом Игги Добсом.

– Слава Высшему Разуму!

«Лучше бы тебя сожрали!» – успел подумать Марк. Миг, и Добс пал перед ним на колени:

– Ты – герой! Мой герой!

Слюна летела с ярко-красных губ Игги, слюна восторга.

– Я преклоняюсь! Все слышите?

Слышали все, отсюда до Бычьей туманности.

– Он спас меня! Всех нас! Презрев опасность! Армия – наша защита! Армия и флот Помпилии – лучшие друзья Игги Добса! От кого еще ждать помощи в трудную минуту?

Не осталось и тени сомнения: в крови Игги бурлит гремучая смесь. На них с Марком смотрел весь бар. Наглый карлик хохотал басом, хорошенькая вудуни смеялась звонко, как колокольчик. Очень хотелось от души врезать стилисту по морде, как прозрачно рекомендовал дисциплинар-легат, но Марк сдержался. В джунглях было, за что. А сейчас Игги его до небес превозносит. Вон, лезет ботинок поцеловать. А Марк его – по морде. Форменное свинство получится...

– На колени, дети мои! Вознесем хвалу спасителю!

Девушка-модификант, помахивая рыжим хвостом, с радостью откликнулась на призыв Добса – и одним прыжком оказалась на коленях у Марка. Обвила шею руками, прижалась грудью, зашептала на ухо сладкую чушь. Хвост ее проник между пуговицами мундира и уже лез под пряжку пояса. Щекотно, подумал Марк.

Он хихикнул, сам того не желая.

Балаган оккупировал Марков стол, притащив недостающие стулья. Бармен Родни достал из-под стойки битую для лапты, утыканную гвоздями. На языке Родни это означало: «Чего изволите?»

– Лучшее пойло для лучших людей!

Глотка у визажиста была что надо. Такой «Центурия, подъем!» по утрам командовать.

– Двойную «Мамочку» всем! Шевелись, бармен!

И без паузы, перегнувшись через стол, жарким шепотом:

– Я сделаю тебя знаменитым! Кто, если не ты? Эксклюзив от Игги Добса. Генерал Ойкумена содохнет от зависти! У нас будет генерал Тумидус. Генералиссимус! Мужество и выдержка. Суровое благородство. Одухотворенный милитари-стайл – гвоздь сезона! Я договорюсь с модельным агентством Зизи. Мы запустим линейку: «Моя война». Плюс концепт личного имиджа. Куча плюсов, дружище! И в основе всего – твое обаяние! От тебя нужна только подпись на контракте – и десять процентов прибыли твои!

– Какой контракт? На что?!

– На титул Героя Галактики! – шустрый язык модификантки облизал Марку ухо.

Перед глазами курсанта Тумидуса промелькнула картина: миллионы богатых бездельников, и все на одно лицо. Обрюзгший Марк. Одышливый Марк. Чернокожий Марк. Морщинистый старикан-Марк. Марк – юнец из высшего света. Модные костюмы – пародия на форму либурнариев, с фазанами в петлицах. Десять процентов прибыли – и вечный позор на весь военный флот Помпилии! Герой Галактики живо представил себе реакцию дисциплинар-легата Гракха. Мнение обер-декуриона Горация по поводу. Глумливый восторг Катилины. Гнев отца на презентации «Моей войны». Разве что дед, с его клоунским прошлым, оценил бы ситуацию по достоинству.

Застрелюсь, понял Марк. Клянусь честью, застрелюсь.

– Я не согласен! – закричал он.

– Почему, котик? – изумилась хвостатая оторва.

Ответить Марк не успел.

– О, цирк на гастролях! Клоун клоуна видит за два парсека. Верно, Тумидус? Да ты целое созвездие вокруг себя собрал! Bravo!

Стоя в дверях бара, Катилина аплодировал. За спиной Маркова недруга надрывались от хохота сокурсники. В сияющих глазах Катилины читалось счастье. Он и преположить не мог, что ему так повезет.

II

– Тумидус? Знавал я одного Тумидуса!

В созвездии обнаружился черный карлик. Когда слепой вудун успел затесаться в компанию, Марк не уследил. Впрочем, приятели Игги приняли карлика, как родного.

– Знатную попойку мы учинили на его галере!

«Врет! – вскипел Марк. – Врет, сволочь! Чтобы дядя пригласил на свою галеру этого пьяницу? Сел с ним за стол?! Да он бы его в рабы взять побрезговал...»

«...да, но я-то сижу с ним за одним столом?!» – с опозданием дошло до Марка.

К счастью, курсант Катилина пропустил мимо ушей слова карлика, дававшие такой простор для чувства юмора. Слепец Катилину не интересовал. Марк, и тот утратил его располо-

жение. Катилина узрел настоящую цель. Он включил форсаж, распустил хвост и решительно устремился на сближение.

Ради этого он даже нырнул в пасть льва.

Десять секунд, и в нише воркуют двое. Катилина машет бармену, заказывая выпивку, склоняется к вудуни, что-то шепчет ей на ухо... И прелестная шоколадка, вместо того, чтобы отпшиться наглеца, звонко смеется, по-детски прикрывая рот ладошкой.

«Шлюха!» – зло подумал Марк.

У тебя нет никаких прав на эту девушку, напомнил рассудок.

Ну и что? – возразила ревность.

Окрыленный Катилина спешил закрепить успех. Он был в ударе! Воздух в нише искрил от мужских гормонов. Кажется, вудуни это льстило. Возле столика возникла пышная официантка с подносом – Родни всегда слал Толстуху Марго к парочкам, балансирующим на грани обоюдной симпатии. Марго наклонилась, открыв взгляду Катилины ложбинку между могучими грудями, поставила поднос – и взвизгнула, получив смачный шлепок по заднице. Прелести Марго сотрясли стол. Из бокалов плеснуло: на брюки Катилины, выглаженные до бритвенно-острых «стрелок», на рукав мундира. На молодую вудуни не попало ни капли.

Черный карлик оказался вездесущ.

Цепкая лапка ухватила ближайший бокал. Золотистый напиток с бульканьем исчез в плотке слепца. Рыгнув, карлик без лишних церемоний взял себе добавки.

– Запиши на мой счет, добрый бармен! И налей моим подружкам!

Подружки – змея и птица – кинулись целовать благодетеля.

Катилина побагровел:

– Уродец! Ты что себе позволяешь?

Когда курсант встал из-за стола, вудуни попыталась удержать его. С тем же успехом она могла удерживать подъемный кран.

– Жить надоело?!

– Что я наделал, сын осла! – запричитал карлик, с проворством блохи прячась за девиц. – Я рассердил большого белого бвана! Благородного бвана! Горе мне, горе!

Ситуация сложилась патовая. Катилина готов был лопнуть от ярости, не находящей выхода. Не бить же слепого уродца смертным боем? Карлик укрылся от курсанта за живым барьером, подталкивая девиц в упругие зады. Но змея с птицей и без поощрений грудью встали на защиту «сына осла». Грудь обеих проигрывала рядом с чудесами Марго, но для обороны хватало.

– Прости меня, гроза врагов! – голосил карлик. – Не делай рабом! Из Папы Лусэро скверный раб! Ленивый, пьющий... О, мои верные жены! Рыдайте по мужу, коровы моего крааля...

Как слепец, не видя имперского орла на значке, определил в Катилине помпилианца, осталось загадкой. По запаху, что ли?

– Папа, прекрати, – сказала вудуни. – Хватит издеваться.

И пояснила в ответ на изумленный взгляд Катилины:

– Это мой отец, Лусэро Шанвури.

Тишина сковала бар. Даже Игги Добс прикусил язык. Все лица обернулись к карлику. Еще минуту назад курсант Катилина, чистокровный представитель расы помпилианцев, понимал, что нельзя бить калеку, как нельзя в присутствии свидетелей сделать рабом полноправного гражданина Лиги. Секунду назад он понял, что смерти подобно делать рабом человека, способного в ответ на агрессию превратить бар в груды пепла и уйти, смеясь, из звездной системы Тренга. Пьяница, буян, калека – перед Катилиной стоял Папа Лусэро, лидер-антис расы Вудун.

Тот, кто ходил по космосу пешком.

Антисы!

Живая легенда Ойкумены. Одно упоминание о них рождало целый букет чувств. Восторг и трепет, зависть, гордость и надежду. Бывало, что и ненависть, густо приправленную страхом.

Люди, способные усилием воли «уйти в волну», чтобы прогуляться по Космосу, как по аллеям парка – без скафандров и кораблей. Бродить по Галактике, улыбаясь туманностям губами силовых линий. Подмигивать звездам вспышками чистой энергии. Скользить по тоннелям червоточин, как с горок в аквапарке. Купаться в протуберанцах красных гигантов, мчаться наперегонки с потоками нейтрино...

Звездные исполины, рожденные на хрупких шариках планет, матерями из плоти и крови. Единицы, исключения, кому было дано ощутить единство тела и разума, поля и вещества.

Сосуды истинной свободы.

В юном возрасте открывали в себе антисы способность к выходу «в большое тело». И горе окружающим, коль не распознали в ребенке скрытую мощь! Бесконтрольный выход в волну мог испепелить целый город. На заре Звездной Эры – когда, по преданию, появились первые антисы – такое случалось не раз. Города обращались в руины, гибли тысячи невинных, и никто не мог понять, что происходит. Страны собирались идти войной друг на друга, принимая старт антиса с планеты за ядерный удар противника. Историки Ойкумены гадают до сих пор, каким чудом ни одна из рас не истребила в итоге сама себя.

Но факт остается фактом. Двенадцать веков назад, с разницей в пятьдесят-семьдесят лет, на просторы Галактики вышли пять рас энергетов. Вехдены – Хозяева Огня; духовидцы Вудун; гематры – живая математика бытия; брамайны, черпавшие силу в телесных страданиях личности; и помпилианцы, трансформировавшие свободу, отнятую у рабов. Им сопутствовали техноложцы с Ларгитаса – эти использовали не внутренние ресурсы организма, но достижения науки: энергию аннигиляции и кварк-глюонной плазмы.

Нет конца спорам ученых: есть ли связь между выходом в Дальний Космос и появлением антисов? Нет числа гипотезам: связан ли «парад антисов» с обнаружением иных, родственных им, нечеловеческих существ – флуктуаций пространственно-временного континуума, сгустков полей, корпускул и лучей. Гроза звездных трасс: «гидры», «драконы», «сирены» – и «пенетраторы», вершина извращенной эволюции флуктуаций, чье поведение выглядело пугающе разумным.

Что вызвало из небытия эти странные, непостижимые формы полевой жизни? Проколы пространства, гноящиеся раны бытия? – их оставляли за собой корабли, уходя в РПТ-маневр. Или флуктуации обитали во Вселенной со времен Большого Взрыва, а люди – лишь случайность на их долгом пути? Так или иначе, на космических дорогах людей встретили опасные хищники, готовые досуха высосать энергию корабля, а вместе с нею – разум, души и жизни экипажа. Волновые деструкторы, батареи плазматоров и даже мощнейшие межфазники, способные распылить врага на отдельные кванты, спасали не всегда. И тогда в космическую ночь вышли могучие охотники. Те, кто сражался с флуктуациями, что называется, голыми руками.

Антисы.

Защитники.

Надежда и гордость человечества.

Вудуны и брамайны, вехдены и гематры. Единицы из миллиардов. Число антисов в Ойкумене росло, но было ничтожно мало. На сегодняшний день – триста двадцать девять. Три с лишним сотни бойцов на всю Галактику. В целом, они справлялись. Спешили на помощь. Успевали. Спасали в большинстве случаев. Благодаря им, звездолеты гибли не чаще, чем аэромобили – в воздушных авариях. Но разведчикам, первопроходцам – и, конечно же, контрабандистам – приходилось рассчитывать только на себя.

Ирония судьбы: «антис» – помпилианское слово. Оно значит: «исполин». Слово с легкостью вошло в унилингву, его приняла Ойкумена. Но у самих помпилианцев антисов не было. Так же, как у варваров и техноложцев, сделавших ставку на науку. «Энергеты ли помпили-

анцы? – мечом над головой гордячки-Помпилии висел болезненный, оскорбительный вопрос. – Ведь они пользуются заёмной энергией, отнимая свободу у рабов. Вот и антисов у них нет...»

Ни о чем не мечтали помпилянцы с такой силой, как о собственных антисах. Что, если это просто досадный вывих эволюции? Что, если вывих можно исправить?!

Ойкумена же с замиранием сердца следила за подвигами исполинов. Топы новостей вирта, документальные программы головидения, блиц-месседжи по гиперсвязи, тиражируемые ордой СМИ от Хиззаца до Кемчуги, эксклюзивные интервью; бесчисленные художественные фильмы «по мотивам реальных событий»... Очередная серия «Генерала Ойкумены», и та меркла перед экстренным сообщением:

«Семнадцать минут назад на входе в систему Сигмы Змеи прогулочный лайнер «Асогве» был атакован флуктуацией континуума класса 2D-17+. Сигнал «Спасите наши души!» приняли на Китте, в ближайшем центре безопасности Лиги. На помощь «Асогве» стартовал находившийся в четырех парсеках от места происшествия Папа Лусэро, лидер-антис расы Вудун. Внимание! На борту лайнера находится наш специальный корреспондент! Смотрите прямой репортаж с места событий!»

И человечество прилипает к сферам визоров, затаив дыхание, следит за мельканием призрачных пятен, вихрящейся тьмой, зыбкими силуэтами, содрогающимися в горячке боя, и лиловыми вспышками среди звезд.

Можно ли заснять, увидеть, осознать грандиозность битвы между антисом, ушедшим в волну, и квантовым чудовищем? Но людское воображение с лихвой компенсирует ущербность техники и ограниченность средств коммуникации. В пронизанной излучениями пустоте не место привычным телам и формам. Здесь сияющий концентрат полей и энергий, похожий на гиганта-паука, без жалости рвет горящими хелицерами облако мрака, озаряемое ярко-голубыми сполохами. Облако выгибается в конвульсиях, бьет драконьим хвостом, силясь подсесть пауку ноги, но Папа Лусэро, волновой арахнид, мертвой хваткой вцепился в хищную флуктуацию. Ключья врага летят по закоулкам Вселенной, тают, распадаются, исчезают...

Спасенный лайнер на форсаже ушел прочь, спеша достичь планеты, где люди будут в безопасности.

Захлебываясь от восторга, комментатор новостей умолчал об одном: Папа Лусэро стартовал на помощь «Асогве» прямиком из киттянской тюрьмы, где отбывал наказание за злостное хулиганство. Впрочем, срок – сроком, а работа – работой. В условиях заключения антиса были заранее предусмотрены «экстренные командировки». Разделавшись с флуктуацией, Лусэро Шанвури вернулся в тюрьму – досиживать положенное. Через неделю его выпустили по персональной амнистии, объявленной Бугваном Кечвайю, президентом Китты.

В благодарность за спасенные жизни, надо полагать.

...А знаменитая зачистка трассы вокруг созвездия Слона? Три брамайнских антиса – Вьюха, Набхиджа и Капардин – стартовали с материнской Чайтры, шестой планеты оранжевого карлика Атман в области Хобота. Они двигались по космосу в своих волновых аватарах: лев, орел и буйвол. Противоестественный союз, невозможный в животном мире, давно стал привычным для побратимов, триады *велетов*, как звались антисы на языке брамайнов. Они скользили по краям гравитационных полей, повторяя изгибы разгонного участка трассы, и всё «зверье» на парсек кругом спешило убраться прочь, забиться в норы червоточин, дабы не выдать своего присутствия. Те, кто не успел удрать, или был настолько отважен и глуп, чтобы вступить в бой, разлетались фейерверком фотонов, угодив в львиную пасть, истаивали полевым туманом под копытами буйвола, и клюв орла рвал в ключья волновую плоть дерзких.

Надолго запомнили уцелевшие флуктуации великий поход. Тридцать лет после этого окружная трасса созвездия Слона слыла безопаснейшей из дорог Галактики.

К слову, все подвиги меркли перед тем, что совершила Рахиль Коэн, гематрийский антис. Женщины среди антисов встречались редко, но они были, и ни в чем не уступали мужчинам.

Когда поступил сигнал бедствия с экспедиционного рейдера вехденов «Тахион», спасатели не усомнились ни на секунду: у рейдера нет шансов. Убийственная, как вирус-мутант, ошибка в расчетах – и точка выхода из гипер-спатиума оказалась шагом на эшафот. Среднемассивная черная дыра ВН24-16МЗ класса «извечных», расположенная в районе окраинного созвездия Двух Пальм, возникла прямо по курсу. Погасить скорость вехденам не удалось. Чудовищное притяжение захватило «Тахион». Мощность двигателей спасовала перед воронкой мироздания. Рейдер падал в сверхплотное ничто, приближаясь к горизонту событий, из-за которого нет возврата.

Приговор обжалованию не подлежал.

Рахиль Коэн, оказавшаяся ближе других к месту трагедии, считала иначе. Гематры вообще считают иначе, чем люди и компьютеры. Как? Об этом знают только сами гематры. В существующей метрике континуума Вселенной «Тахион» был обречен. Его могло спасти только чудо. И Рахиль совершила чудо. Вынырнув близ дыры, она изменила метрику пространства. Континуум расцвел безумным спектром дополнительных, дробных измерений. Какое-то из них приняло в себя угасающий трансверсальный вектор скорости рейдера, дав «Тахиону» шанс – один на миллиард! – ускользнуть из смертельных объятий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.